

Николай Калитин

БУЛЧУТ

Рассказы — кэпсээннэр

(на русском и якутском языках)

ЯКУТСК 1991

Рассказы Николая Калитина объединены образом Булчута (в переводе означает охотник). Герои рассказов — охотники видят в жизни другие ценности, нежели золото и несправедливо нажитое богатство. Природа — вот, по их мнению, то непреходящее, бесценное, что обязан сберечь человек. Таков лейтмотив рассказов, включенных в этот сборник.

Занос — перевод с якутского *Михаила Борзунова*
Булчут — перевод с якутского *А. Шапошниковой*
Осургинат — перевод с якутского *В. Федорова*

О РАССКАЗАХ НИКОЛАЯ КАЛИТИНА

Герой рассказа «Занос» Митя Очуров вырос в семье кочующего эвенка. Мечтал стать хорошим охотником. Хороший охотник, как представляет писатель, это идеал человека. Он умен, храбр, честен, добр, трудолюбив и красив. Но не сбылась светлая мечта Митя. В верховьях реки Буотама, где кочевали эвенки, обосновались лесозаготовители. Появились новые «таежники». Вскоре с вырубкой леса высохла мелководная Буотама, исчезли олени пастбища и охотничьи угодия. Оставшись без оленей, без охоты, в поисках судьбы в чужих краях, Митя Очуров оказался в деревне. И, как говорится, «не вписался» в ситуацию оседлой жизни. Так, в рассказе читатель наблюдает за судьбой человека, потерявшего свои кровные связи с родным местом, занятиями. Митя Очуров сам не может понять, отчего он не стал хорошим охотником, а стал обыкновенным пьяницей. А автор видит причины трагедии Очурова в том, что «когда зло напористо действует, а добро оказывается беспомощным, особенно тогда, когда чем-то, как-то будут нарушены привычные течения человеческой жизни». Это, пожалуй, самая главная проблема жизни народностей Севера. Этим и интересен новый рассказ Н.Калитина.

Андрей Кривошапкин,
член СП СССР

...«Булчут» — это рассказ об охотнике, причем очень удачливом, до такой степени, что его считают чародеем, спутавшимся с нечистой силой. Лишь умирая, Булчут рассказывает свою тайну — особый, безотказно действующий секретный способ охоты на горностаю, колонка и соболя, но требует хранить его в секрете. И хотя мы так и не узнаем его, вся система других «доказательств» — примет, знаний, переданных умирающим охотником рассказчику, — заставляет верить в то, что этот секрет действительно существует. А чтобы читатель излишне не разочаровывался, писатель в свое оправдание и в наше утешение гово-

рит: «Если эта тайна природы будет разглашена, то жадность и зависть навечно встанут между человеком и природой, и связь человеческая с его колыбелью прервется».

Тайны природы... Мы привыкли гордиться тем, как успешно их раскрываем, заставляем служить человеку. А тут раскрытую тайну природы приходится оберегать от людей. Правомерна ли такая постановка вопроса? Увы, неразумное порой вторжение человека в земные кладовые заставляет бить тревогу, говорить об утрате человеком связи с породившей его природой, которой он обязан жизнью.

Павел Уляшов, критик.
г. Москва

...Глубокое философское звучание отличает рассказ Н.Калитина «Осургинат». Старый охотник Ефим Камыргин счастлив, что его внук Гриша стал «сушителем его копыт», он уже признан как охотник. Старик Ефим согласен, что сейчас новые времена, и вряд ли Гриша станет просить священное дерево об удаче в охоте, кормить огонь* и т.д. Но он никак не ожидал, что внук поднимет руку на священное дерево эвенков — Осургинат. По мысли Ефима все на земле существующее взаимообусловлено, взаимосвязано: срубишь дерево изобилия — уйдут из леса белки. Есть неписанные законы тайги, которые должен знать и чтить каждый охотник. Писателя волнует то, что молодые не прислушиваются к народной мудрости, к обычаям предков, и видит в этой беде трагичность современного отношения к природе: «...подпиленная лиственница с тяжким грохотом обрушится со своего утеса в волны Лютенги и вместе с ней уйдет из окрестной тайги что-то большое, значительное».

В.Огорокова,
кандидат филологических наук

* Кормить огонь — по обычаю эвенков огонь полагается «кормить» — давать ему лучшие кусочки пищи. (языческая вера).

БУЛЧУТ

Рассказы

ЗАНОС

Рассказ

Недовольство и даже легкая злость появляется у меня, когда я встречаю напористых людей, с владыческой легкостью думающих о том, что стоит им только пройти по лесу, как вся окрестная бегающая и летающая живность будет лежать у их ног. Надежды на непреходящий успех здесь не подвергаются никаким сомнениям. Отправляясь на охоту, такие «следопыты» по пословице делают шкуру неубитого медведя, с бухгалтерской точностью прикинув долю возможной прибыли. Таким охотникам-потребителям вряд ли дано познать, что охота, кроме предвкушения удачи и обжигающего кровь азарта, сулит еще и трогательное очарование лесной стихией, и то неоценимое благо человеческого общения, которое рождает теплоту взаимопонимания и дает возможность понять и быть понятым.

Если охотники близки по характеру и понимают друг друга с полуслова, то сама природа и ситуация, сплотившая их, делает таких людей родными братьями. Когда я размышляю об охоте, мне сразу вспоминается Мэхэлэ — мой друг и давний напарник. Как сейчас вижу: вот, стоит он возле своей охотничьей избушки и с невысказанной радостью и какой-то особой нежностью оглаживает взглядом каждое дерево, каждую травинку и веточку. Такой трепет и душевный восторг, возможно, испытал бы лишь тот, кто, долгое время скитаясь вдали от родины, подобно блудному сыну, обрел отчий порог. «Ах, тайга! Мой хлеб и дом! А какой чистый воздух!», — полной грудью вдыхая этот целебный воздух, негромко приговаривает он и весело хлопчет у костра.

Чаще всего меня поражало в нем то, что в тайге повсюду он находил нечто необычное, прекрасное, прежде никем не замеченное. Что только не восхищало его и не вызывает у него жалости! Казалось, будто пришел он в тайгу не ради охоты, а для поиска новых лесных красот, ради постижения изменчивого многообразия таежного мира. По сердцу мне эта его открытая страсть, я искренне понимаю моего Мэхэлэ и даже счастлив, что могу разделить с ним его по-детски чистую радость.

Мэхэлэ рассказывал, что отец его профессиональным охотником никогда не был, а всю жизнь работал скотоводом, потому и не покидал родного аласа*. Охотился он лишь на зайцев и то только в те годы, когда длинноухие сами людям не давали проходу, а участие в массовом отстреле особых охотничьих навыков не требовало. Но зато он был отличным рассказчиком, а излюбленной темой его рассказней, как ни странно, была охота. Так получилось, что не личным примером, а красным словом он привил сыну любовь к охоте. А мать Мэхэлэ, приехав из какой-то южной области, полюбила наш северный край и навсегда здесь осталась. Многие сопоставляя, я все не устаю удивляться: почему и как зародилась в душе Мэхэлэ эта всепоглощающая страсть к тайге, ведь по сути его родовые корни никакого отношения к этому не имеют?

Мэхэлэ прекрасно знает и понимает, что жить в лесу нелегко, и если Байанай** не улыбнется, он не отчаивается и не теряет присутствия духа, наоборот, возвращаясь домой с пустыми руками, он, словно после удачной охоты, без умолку рассказывает обо всем, что видел и слышал. Возможно, только поэтому среди друзей он прослыл ловким зверобоем, хотя иные, завидуя ему, за глаза обзывают браконьером. Лишь жена его, Настя, не то в шутку, не то всерьез говорит, что он самый никудышный охотник.

Как бы там ни было, но Мэхэлэ — славный парень, и все мои впечатления о нем не омрачит даже та неприятная история, очевидцами которой нам пришлось быть. Всякий случай, имеющий отношение к

* А л а с — поляна.

** Байанай — дух охотничьей удачи.

охоте, когда о нем потом вспоминаешь, кажется исключительным, потому что обладает необъяснимой, ностальгической теплотой и особым притяжением памяти. Но этот, как кошмарный сон, не хочется вспоминать, и все равно нет-нет да вспомнится, заскребет душу невысказанной тревогой и болью...

Однажды, ранним субботним утром мне позвонил Мэхэлэ:

— Айал, а что если мы съездим на наше место? «Нашим местом» он называет охотничью избушку, стоящую на берегу речки Буотамы в двухстах километрах от города, и угодья, в которых мы обычно охотимся.

Я не мог отказаться от такого удовольствия и, высказав в трубку свое согласие, добавил:

— Как я понял, ты с кем-то договорился, ведь наша машина еще в ремонте.

— У соседа «газик». Он согласен поехать с нами, — пояснил Мэхэлэ.

— Ну, тогда все решено.

После недолгих сборов мы уже мчимся по Амурско-Якутской автотрассе, пересекающей обширные леса, взбирающейся на склоны каменистых сопок, бегущей по берегам узеньких речушек и широких рек. Стоит самая морозная пора декабря, и за машиной стелется плотный туманный шлейф. Мотор гудит то глухо и ровно, то натужно ревет, когда машину заносит на выбоинах, и колеса, подпрыгивая, отрываются от дороги. Под колесами шуршит-перекатывается гравий, камешки иногда «выстреливают», резко ударяясь о крылья «газика», проверяют их на прочность. Судя по тому, как шофер лихо крутит баранку, не слишком церемонясь на поворотах и в выборе известных выражений, видно, что парень он ловкий и своего не упустит. Такие люди, как правило, входят в контакт сразу, без предисловий. Наш новый приятель, не дожидаясь расспросов, подробно и охотно рассказал о себе.

Магомед весело сообщил о том, что из Средней Азии сюда приехал недавно, но тем не менее, уже успел породниться с якутами. Не без гордости заметил, что его тесть был большим начальником в Якутске и до сих пор пользуется авторитетом в кругах руководящих работников и что это он помог ему без хлопот приобрести вне очереди такую надежную машину. Узнав, что у нас есть лицензия на отстрел лося, он

пришел в неописуемый восторг, отчего лицо его засветилось неподдельной радостью и предвосхищением удачи. Сразу же прикинув, что если мы, «свалив» лося средней величины, поделим тушу на три части, и на каждого придется по столько-то килограммов мяса, он высчитал приблизительный размер прибыли. Смущало его лишь то, что рессоры газика слабоваты и неизвестно, можно ли будет без опасений погрузить сразу столько мяса. Но больше всего Магомед опасался того, что, не дай бог, придется вернуться домой ни с чем. Да еще Мэхэлэ, как бы между прочим, проронил:

— Охота есть охота... Часто бывает, что надежду на удачу приходится оставлять до следующей охоты.

Слова бывалого охотника заметно расстроили Магомеда, и даже машина как будто замедлила ход.

— Оказывается, все наше мероприятие не надежно? Что за охота, если добычу, как иголку в стог сена, надо искать? А я своей жене так и сказал, что поехал за мясом,— огорченно проговорил Магомед.

Наступило молчание. Паузу в разговоре заполняет только ровное гудение мотора. Мэхэлэ, уткнувшись лбом в стекло, завороченно глядит на мелькающие деревья, отмечая взглядом многочисленные заячьи следы, то тут, то там цепочкой тянущиеся по обе стороны дороги. Едва мы проехали примерно половину пути, как из-за неверного или неосторожного движения Магомеда на одном из поворотов машину сначала закрутило, потом понесло юзом. Под колесами застучали камни. Раздался пронзительный визг тормозов, и машина в считанные секунды оказалась в кювете. Осев всеми колесами в снегу, «газик», пытаясь преодолеть сопротивление, натужно взревел и выпустил густое облако выхлопных газов. Мы выскочили из кабины и по пояс оказались в сугробе. Магомед лишь присвистнул, что без комментариев означало: приехали! Все принялись откапывать колеса.

— Плохо, что машина не сможет поехать ни вперед, ни назад. Думаю, что наши усилия тоже не принесут пользы. Мотор уже перегрелся, лампочка загорелась,— кивнув на приборную доску, сказал Магомед и выключил двигатель.

Мы, северяне, всем своим нутром поняли, насколько сложно наше положение, Магомед же, возможно, тоже чувствовал это, но не подавал вида. В декабре, когда столбик термометра падает ниже пятидесяти граду-

сов, машина при выключенном моторе может быть работоспособной только минут десять, а после, сильно промерзнув, она будет лишь беспомощным свидетелем людской беды.

Всего час стоим на дороге, а наш «газик» уже весь заиндевел. Поролоновые сиденья, еще недавно пружинившие под нами, застыли от мороза и от них тянет холодом каменных плит. Ждем спасительную попутку. Мэхэлз то бегаёт по снегу, то делает «заячьи» прыжки, отталкиваясь двумя ногами, за что Магомед назвал его чудачком, мол, до дому все равно не доскачешь. Разгадав значение его улыбки, я тут же произнес:

— Если мороз уже совсем не шутит, то шутить начинает Магомед.— Мы рассмеялись, отчего стало немного теплее.

К счастью, ждать долго не пришлось. Грузенный дровами самосвал, скрипнув колесами на утрамбованном снегу, остановился. Шофер, понимая, что все равно мы попросим его помочь, без слов развернул машину и задним бортом стал медленно подъезжать к нам. Мы быстро закрепили заранее приготовленный трос, и через пару минут наш «газик» уже был вытасчен на дорогу. Паренек сказал, что доставит нас в ближайшую деревню Алас прямо к гаражу.

Минут через двадцать мы въехали в беспорядочно застроенную деревеньку. Дыханием и руками расчистив на заиндеветых стеклах «глазки», мы успели разглядеть некоторых прохожих, облаивающих нас дворняжек, привязанных к заборам лошадей, запряженных в сани. Жители деревни смотрели на нас с нескрываемым любопытством и даже несколько раз останавливали самосвал (наверное, спрашивая о том, что же с нами приключилось). Наконец, проехали створ ворот ожидаемого гаража. Водитель самосвала так же, как и в начале, отцепил трос, быстро прыгнул в кабину и укатил. Мы, даже не успев его поблагодарить, только проводили взглядом. Завгара на месте не оказалось: он повез в город жену, у которой были тяжелые роды.

— Кому нужен завгар? Я здесь вместо него хозяин!— задиристо заявил один пьяненький мужик. Делать нечего, пришлось объясниться с ним. Он оказался понятливым и сразу сообразил, что ехали мы не к нему в гости, а нашему «газику» требуется неболь-

шой ремонт. Тут он, как хозяин, созвал народ и стал распоряжаться. Непонятно почему приказал загнать нашу машину в самую глубь гаража. И как мы ни убеждали, что лучше было бы поставить нашу машину поближе к выходу, что мы, мол, проездом и скоро уедем, он упрямо гнул свое.

— Хозяин я, что хочу, то и делаю, а будете спорить — сейчас же выброшу на улицу, — последовал не терпящий возражений ответ. Спорить было бессмысленно и, чтобы не терять время, Магомед принялся копаться в моторе.

Митэ Очуров, назвавшийся «хозяином» гаража, был, судя по всему, человеком еще не старым, но из-за дружбы с зеленым змием его внешность значительно уступала количеству прожитых лет. Голос хриплый, движения разболтанные, не ровен час, нечаянно стукнет монтировкой или собьет с ног. Делая вид, что помогает, Митэ шныряет то тут, то там, а если что не по нему, тут же выливает поток отборной ругани, грозясь всех неумех и бестолочей побить за непослушание и невнимание к его «ценным указаниям». Нетрудно было догадаться, что немалая доля его угроз адресуется и нам. Мы, молча переглядываясь, мысленно сошлись на том, что, хотя личность его и не внушает особого доверия, но реагировать на его выпады не стоит, потому что пока мы от него в зависимости. А Митэ Очуров действительно изо всех сил старается быть здесь хозяином, поэтому и приходится ему держать форму: ругаться на чем свет стоит и требовать подчинения. Из-под опухших век мутные глазки глядят зло и нагло, лицо его пестрит свежими и старыми синяками и ссадинами, иногда он может негодующие проскрипеть зубами. Но скоро первые впечатления о нем меняются. Стоит только сблизиться с ним, перекинуться парой добрых слов, и Митэ одарит тебя своей мрачноватой улыбкой — от устрашающих амбиций не остается и следа, а если еще и скажет что-нибудь вполне свойским, дружелюбным тоном, видишь: оказывается, не такой уж он конченный человек. Потому, наверное, никто в гараже его не боится, но и с ним не спорят. Кто насмешливо, кто с долей должного уважения, кто с издевкой, но все обращаются к нему не иначе как Митэ-Нузырь.

— Вы пока погуляйте, присмотритесь, я вас позову,

когда закончу, — сказал Магомед, видя, что мы не знаем чем заняться.

Мы с Мэхэлэ, прохаживаясь возле гаража, узнали, что это гараж отделения «Алас» совхоза «Восточный». Тракторы и автомашины стоят вперемешку, отдельных боксов тоже нет. Жизнь тут как будто не дремлет: одна за другой подъезжают машины разных марок. Некоторые шоферы, поставив машину на место, спешат домой, другие собираются кучкой, курят или с «устатку» пьют водку. Митэ бегаёт от одной группы к другой, то здесь, то там слышится его крепкий безадресный мат.

— На, Пузырь, опрокинь и вали отсюда, — кто-то говорит ему, подавая кружку с водкой. Он, залпом опрокинув содержимое, после короткого выдоха семенит перебежками к другой компании.

Из уст шоферов мы узнали и о прозвище Очурова, и о его негладкой судьбе. Митэ вырос в семье кочующего охотника-эвенка. Мечтал стать хорошим охотником. Хороший охотник у эвенков — это идеал человека. Он умен, храбр, честен, добр, трудолюбив и красив. Но не сбылась его светлая мечта. В верховьях реки Буотама, где кочевали они, обосновались лесозаготовители. Были проложены дороги. Появились новые «таежники». Вскоре с вырубкой леса высохла мелководная Буотама, исчезли оленье пастбища и охотничьи угодья. Оставшись без оленей, без охоты, в поисках судьбы в чужих краях, Митэ оказался здесь, стал жителем деревни Алас.

Несколько лет назад, еще до того, как он сел в тюрьму, его кто-то нарек Пузырем. Причиной тому была страсть Митэ к спиртному и появившаяся привычка иметь при себе стопку на случай возможной выпивки. Поначалу Митэ страшно оскорблялся, а потом стал относиться к своему нелестному прозвищу даже с некоторой гордостью. «Велика важность, все пьют. Даже начальство не брезгует. Ведь вино — это напиток, соки земные, и для здоровья, говорят, полезно», — рассуждал он, успокаивая себя.

Митэ-Пузырь — в прошлом шофер. Рассказывали, что даже бывая «под мухой», он никогда не бросал рабочего места. Может быть, по этой или иной причине завгар, отлучаясь куда-нибудь, был уверен, что «зам» не подведет его и все будет в порядке. Для Очурова, работающего последнее время кочегаром, это поруче-

ние было признаком доверия и давало возможность на время почувствовать себя маленьким начальником.

Во время наших бесед в гараж въехал грузовик, доверху нагруженный пустыми молочными бидонами. Дверца открылась, шофер, выбираясь из кабины, упал на четвереньки и замотал головой, пытаясь подавить приступ рвоты. Митэ с руганью бросился поднимать его, но не удержался на ногах и в обнимку с пьяным повалился под машину.

— Я т-те покажу, я т-те д-дам,— рычал Пузырь.

— М-митэ, Пу-пу-зырь,— едва ворочал языком пьяный.

Так они копошились, пока из кабины не раздался чей-то рев. Удивленные, мы шире открыли дверь: сидит паренек лет шестнадцати в стельку пьяный и взхлеб рыдает. Тут же нам пояснили, что он работает грузчиком на этой машине. Все, кто был поближе, обступили кабину.

— Ну и ну, что же это ты?! Молоко на губах не обсохло, а уже пьянствуешь! Что с тобой будет, когда до наших лет доживешь?— посыпались осуждающие голоса.

— Ни стыда, ни совести. Сопляк!— Митэ-Пузырь мазнул закопченной верхонкой по лицу парня. В это время кто-то дернул его за полу тужурки, и Очуров брякнулся спиной о цементный пол. Оглушительный полупьяный хохот сотряс своды гаража. Митэ даже не поморщился, встал и, ни на кого не обращая внимания, продолжил воспитательную работу:— Слушай, молодой да зеленый, с завтрашнего дня все. Можешь в гараж не приходить. Все равно шофер из тебя не получится. Эх ты, слюняй...

Тут к нам подошел Магомед и сказал, что ремонт закончен и машина уже готова к поездке. Пока отогреваются застывшие сиденья и обсыхают запотевшие стекла, мы решили где-нибудь перекусить. Оказалось, столовой здесь не было. Мы чуть было не расстроились, но один старик пригласил нас к себе:

— Пошли к нам. Я тут недалеко живу. Сам прежде шоферил, теперь на пенсии. Иногда помогаю в гараже.

Согласно кивнув, мы не спеша последовали за ним. Познакомились. Старика звали Тимофеем, а старуху его — Арапёной. Дом у них теплый, уютный, а хозяе-

ва — само радушие и гостеприимство. Накрыли на стол. Посреди трапезы нагрязнул Митэ. Судя по глазам, шарившим по столу, он кажется, предполагал, что застолье без вина не бывает, и конечно же, надеялся на угощение. Посуетившись, он зачем-то вызвал Магомеда на улицу, который тут же вернулся и пояснил, что «хозяин» просил водки. В окно было видно, как Пузырь, грозно размахивая рукой, посылал нам всевозможные проклятья. Тимофей настороженно заметил: «Не ровен час, еще второе несчастье приключится. Всякие люди бывают». Но мы как-то не придали значения его словам. Обычно, человек, если что-то его беспокоит, старается безотчетно уйти от тревожной мысли. Возникло молчание.

— Плохо живем, плохо... — почти одновременно произнесли старик со старухой. Это неожиданное откровение взволновало. Каждый из нас почувствовал, что такие слова просто так, ради разговора, не произносятся. За всем этим стоит нечто большее, чем просто жалоба. Мы молчаливо выслушали рассказ стариков.

— Что правду скрывать, скроешь — да ничего хорошего это не даст, все равно ничего не изменишь. Правда — она вечная. Пьянство, будь оно проклято, все беды от него. Пытаются запрещать, препятствовать, да только такие, как Пузырь, все равно находят, где выпить, — неторопливо начал старик.

— Из-за пьянства Митэ отсидел в тюрьме пять лет. Прежде, как и я, баранку крутил. Однажды, крепко напившись, утопил машину в протоке. Потом его назначили коневодом. И там долго не работал. Снова запил и, обозлившись на напарника, из ружья пострелял лошадей. За что и угодил за решетку.

— У него ведь и жена есть, и дети. Когда трезвый — мужик вроде ничего, нормальный. В работе не глупый, да и домашнее хозяйство прежде не запускал. Может, он исправился бы, да вот воли, характера у него нет. Обязательно кто-нибудь да собьет его с пути, — добавила Арапэна.

— Жизнь теперь, ничего не скажешь, хорошая, привольная, а народ-то, ну просто с ума спятил. Что творится-то? Видите, этот домище? — старик скрюченным пальцем указал в окно. По пути к дому Тимофея мы заметили этот дом, самый высокий и заметный в Алесе, снаружи разукрашенный деревянными

кружевами, но окна его крест-накрест заколочены старыми досками. Непосвященному удивительно, что в таких добротных хоромах никто не живет. Не скрывая интереса, мы внимательно смотрели на старика.

— Это дом покойного Тысытова Прокопия Петровича, — начал Тимофей. — Когда-то он был самым видным человеком нашего наслега. Это была уважаемая в наших краях семья. Прокопий Петрович имел добрейшую жену, двоих детей, личный скот, жил в достатке и, как говорится, горя не знал. А сам — мастер, золотые руки. Дом его тому подтверждение. Ни один важный вопрос в наслеге без него не решался, поэтому к нему часто обращались за советом и помощью. Что говорить, все видели, как он пекся о благосостоянии родного наслега, чего не скажешь о председателе сельсовета Мэндэ Унарыче, которого за бездействие так и прозвали — Кое-Какыч. Простой он какой-то, как полено, покладистый, нерасторопный. Камень на дороге и то побоится побеспокоить. Всю жизнь в Совете, а пользы никакой, поэтому все и держалось на таких, как Прокопий Петрович, а больше на нем одном.

Шло время. Дети Тысытова подрастали, сам старел понемногу. Сыновья его так и не стали достойными наследниками отца. Старший, уже после школы, нахулиганил и получил свое. Не вынеся позора, мать его слегла и вскоре скончалась от сердечного приступа. Некоторое время старик жил с младшим сыном, но и этот тоже стал попивать, да и характер еще позднее, чем у брата. Часто, пьяный, избивал отца. Прокопий Петрович и виду не подавал, что тяжело ему, людей стыдился. Сын же и не думал образумиться. В конце концов дошел до того, что однажды стал гоняться за отцом, чтобы его убить. Тот заперся в амбаре, а разъяренный сын схватил топор и амбарную дверь — в щепу. Когда Прокопий Петрович понял, что это зверство не остановить ничем, он выстрелом в упор убил его, чем и спасся от лютой смерти. Старика не судили: закон был на его стороне, да и мы все были за него горой. Но судьба все-таки не пощадила его. Вернулся из тюрьмы старший сын и тоже в пьяном угаре, желая отомстить за брата, изуверски убил отца. Вот так угас очаг хорошей семьи.

Мы обвиняем во всем вино... Так-то оно так, только вряд ли все худое связано с ним. Что-то в жизни над-

ломилось, какая-то неправда верх взяла...

Прощаясь со стариками, мы благодарили их за гостеприимство, и в эти минуты каждый из нас испытал чувство необъяснимой вины перед этими пожилыми людьми, перед тем, что наши пожелания добра и здоровья так и останутся только хорошими словами.

Придя в гараж, мы увидели, что Митэ загородил выход нашему «газику» чьим-то трактором и куда-то ушел. Расспросив шоферов, узнали, что все это он сделал специально, чтобы мы не уехали отсюда сегодня. Кто-то повторил его угрозу: «Пусть теперь ту бутылку, которую они пожалели для меня, сами высосут этой ночью». Ребята сказали, что и завтра мы вряд ли уедем — такой у Пузыря нор, что уговорить его будет трудно. Можно было обратиться к управляющему отделением Сабынтаеву, но тот, как ни странно, был близким другом Очурова. Возникшие вопросы по этому поводу отпали после того, как нам поведали о судьбе управляющего. До недавнего времени Сабынтаев был бичом***... Получил высшее образование и в начале быстро шел в гору, но потом запил, и жена, не вынеся этого, разошлась с ним. Он же обвинил ее, что своим поступком она поломала ему жизнь, и пьянствовал еще горше. Уехав в город, долгое время нигде не работал, жил в кочегарках и подвалах. Его задержали за тунеядство и отправили в ЛТП для принудительного лечения. Когда он вернулся, родная тетка Сабынтаева, занимая в райцентре ответственный пост, добилась того, чтобы племянника назначили управляющим отделением. Сабынтаев стал покровительствовать Митэ и ему подобным, и в результате деятельности поборника «несчастных судеб» пьянство в Аласе стало чуть ли не нормой жизни.

Нам оставался один выход: разыскать Пузыря, чтобы исправить свою «ошибку», и только тогда у нас появится возможность благополучно уехать.

Не сразу, в самом конце деревни, мы нашли двор Митэ. Вошли в дом. Хозяин, уронив голову на стол, дремал. Увидев нас, девочка-подросток и два мальчика лет шести-восьми убежали вглубь комнаты. Возникший посторонний шум разбудил Митэ.

*** Бич — спившийся человек (мест.)

— Ага, получили свое? Водки вам было жаль, теперь уходите, рабочее время кончилось,— рявкнул он и, сжав кулаки, вскочил на ноги. В этот момент Магомед со свойственной ему находчивостью посмотрел на Пузыря дружеским взглядом, подмигнул ему и ловко вручил бутылку водки. Лицо Митэ мгновенно изменило выражение, он распластался в улыбке:

— Вот это по-людски! Это по всем правилам. Совесть всегда надо иметь. Вижу, что у вас она есть и прощаю вам оплошность. Что тут долго говорить — свои люди. Давайте для начала выпьем.— Он взял с обледеневшего подоконника, где была сложена посуда, граненые стаканы, дунул на них, пытаясь создать видимость, что очищает от пыли, хотя их даже мыть было бесполезно, хотел уже разлить содержимое на всех, но мы почти в голос пить отказались. Он без слов согласился с нами, убрал стаканы так же весело, как и доставал их в предвкушении, что теперь ему достанется все. Он доверху наполнил свой стакан и одним духом, как при сильной жажде, выпил. Занюхав промасленным рукавом, присел на край стула и некоторое время молча смотрел куда-то в середину пустого стола.

— Ребята, вы молодцы, оказывается, не пьете. И совсем не пейте. Я и врагу не пожелаю такой собачьей жизни, какой живу, хотя и сам выхода не вижу. А машина ваша пускай в гараже стоит, никуда она не денется, никто ее не тронет. Мы потолкуем, ведь люди знакомятся через разговор, а коровы — мычанием.

Митэ снова налил себе, выпил и, окончательно по добрев, продолжил:

— Ну, друзья, вы уж меня простите. Я нервный, до добрый — чего меня бояться? Я не грабитель, не вор и не убийца, я просто люблю выпить. Поэтому я выпивоха, но не беспробудный пьяница. Оно, конечно, хорошо бы не пить... Я ведь понимаю, что и себя в гроб загоняю, и другим от меня нет жизни. Все понимаю, но поделывать ничего не могу. Видно, слаб я с самим собой бороться... Да, что я... теперь все пьют, даже начальство не прочь, а я — кто? Пешка! Пешка, которая никому не нужна, даже как жертва... да и фигуры из меня уже не получится. Одно слово — Пузырь! Сломанный я человек. Но ведь я сын тайги? Я человек с добрым себя! Сын охотника должен

быть только таким... Отчего же я стал другим, отчего?!— подбородок Митэ задрожал, губы скривились, и он чуть не заплакал. Немного погодя, он опомнился от наступившей слабости и, бодрясь, снова налил себе.

— Ну, горожане, за вас...— Тут обледеневшая дверь распахнулась и вошла высокая худощавая женщина в мужской одежде, в руках у нее были ведра. На нас пахло коровником. Это была хозяйка. Она, бросив ведра, с ненавистью взглянула на нас, потом на Митэ и ожесточенно закричала:

— Проклятый! И когда только ты прикончишь нас и прекратишь наши муки?! О горе! Опять собрал пьяниц?— женщина вцепилась в волосы Митэ и изо всех сил начала его трясти. Он вздрогнул от неожиданности, но придя в себя, стал сопротивляться. Обеими руками схватив ее за горло, приподнял вверх. Женщина захрипела. Стоявший впереди нас Магомед бросился крутить Митэ руки, чтобы тот немного поутих. А женщина, вырвавшись из цепких, как клещи, рук мужа, развернулась и с размаху ударила Магомеда по лицу. Тут же в гневе она потянулась к пустой бутылке, чтобы добавить, но прикрыв рукой нос, Магомед отскочил назад.

— Моя бы воля, я бы всем вам головы проломил! Чтоб ноги вашей на этом пороге не было!— кричала женщина. Едва за нами захлопнулась дверь, как послышался звук короткого удара и приглушенный звон осыпающегося стекла. У Магомеда капала из носа кровь, и Мэхэлэ стал делать ему примочки из снега. Тут с плачем из дома выскочили дети и, раздетые, помчались мимо нас к соседям. Из дома слышался плач, крики, глухие удары.

— Надо спасать женщину!— взволнованно сказал Мэхэлэ. Мы подскочили к двери, но она была заперта изнутри. Запор оказался крепким, и все наши усилия дверь даже не пошатнули. Не зная, что предпринять, мы стали стучать в окна дома, чтобы хоть как-то отвлечь Митэ. Только бы не случилось непоправимое!

Вдруг видим: от соседского дома к нам с криками бегут мужчины. Мы опешили: может, со стороны им показалось, что мы тут устроили этот разбой? Но никто не кинулся на нас с кулаками и оскорблениями, хотя могло быть и так. Митэ уже выскочил на улицу. За ним, цепляясь за стены, выбралась женщина. Лицо ее было в кровоподтеках и ссадинах. Поднявшись, она

с остатками сил и злобы снова кинулась на мужа, но стоящие рядом люди утихомирили их. Когда все успокоилось, стали выяснять, кто прав, а кто виноват.

— Я — Сабынтаев, управляющий отделением «Алас». А вы кто такие? — грозно и строго окликнул нас коренастый мужчина борцовского сложения. Мы попытались по порядку изложить суть происшедшего, но он даже не стал слушать и с пафосом хозяина продолжил: — Когда наша партия и наше правительство ведут решительную борьбу с пьянством и алкоголизмом, вы организовали эту злостную попойку, допустили драку, напугали женщину и детей, побеспокоили трудящихся. За это вас надо привлечь к уголовной ответственности, за разбой и дебош придется отвечать по закону. Есть пострадавшие, найдутся и свидетели. Я не люблю откладывать дела, и сейчас же вызову милицию из райцентра, а пока они едут, составим акт, поэтому свидетелей прошу не расходиться.

Выждав паузу, к нам подошел человек преклонных лет и негромко произнес:

— Я председатель местного Совета, пойдем в контору, там и разберемся.

В небольшой комнате конторы произошла горячая схватка: мы, как могли оправдывались, Сабынтаев же, ратуя за истину и справедливость в его понимании, гневно обличал нас в отсутствии порядочности и без конца угрожал статьями закона. Судя по его словам и атакующему напору, он хотел всю вину за случившееся свалить на нас. Только Мэндэ Унарович был спокоен и невозмутим. Он неторопливо рассудил:

— Путники, оказывается, ни в чем не виноваты. Очуровы не первый раз подрались, они и раньше так «миловались»: сегодня дерутся, завтра — помирятся. Разве не так? Машину из гаража надо выпустить, пусть уезжают.

Сабынтаев снова взъерепенился:

— Нет! По-вашему не будет! Они тут дел натворили и концы в воду! Все должно быть по закону! Пусть подождут приезда милиции, а там разберутся, им видней. Мы не имеем права отпускать нарушителей, вина которых налицо, пусть их призовут к ответу! Вы, Мэндэ Унарыч, когда в стране идет перестройка, не должны самолично мириться с подобным непри-

глядным явлением, районное руководство вас, как председателя сельсовета, за это по головке не погладит. Вот и надейся государство на таких добрячков, которым лишь бы в стороне остаться. За это я лично снял бы вас с должности, будь моя воля! И был бы прав. Все по совести, все по закону.

Сабынтаев еще долго размахивал руками и что-то говорил, но его никто не слушал и, видя, что ему никто не возражает, он с чувством победителя вышел из комнаты.

— Да... Ситуация... Ну и влипли.

— Этого следовало ожидать...

Во время наших невеселых рассуждений вошел обозленный Митэ.

— Уезжайте, пока целы! Сейчас же выводите машину из гаража! Это не ваш личный гараж, а общественный! Скатертью дорога!

— Сабынтаев вызвал милицию, мы будем ждать. Скажут еще, что сбежали... Пусть будет все, как положено. Так что мы подождем.

— Ну и дураки! Я вас по добру прошу: сматывайте удочки и немедленно. Сам Сабынтаев приказал вас разогнать. Или вы чего-то не понимаете? Мы не хотим, чтобы из-за вас, посторонних людей, ни за что пострадали наши ребята.

— Какие ребята?

Они еще прикидываются, что не понимают! Что и в гараже не были, и не видели ничего? Люди на свои кровные раз в месяц выпили, а из-за вас должны терпеть неприятности!

Нам, конечно, все было понятно, но мы все-таки твердо решили дождаться милиции.

— Хорошо, что вы не передумали,— прохаживаясь взад-вперед, медленно проговорил Мэндэ Унарович. Митэ-Пузырь понял, что нас не переубедить и, хлопнув дверью, пошатываясь, пошел к дому Сабынтаева. Вскоре мы увидели в окно, как Сабынтаев с «завгаром» торопливо направлялись к гаражу. Они спешили разогнать пьяных шоферов и навести кое-какой порядок.

Мы продолжаем терпеливо ждать. Почти молчим. Часто в жизни бывает так, что многие беспокойные мысли легче выразить молчанием. Магомед, прикрывая платком припухшие ноздри, наверное, уже пожалел об этой невеселой поездке, но в нем чувствовалась уверенность. Мэхэлэ смотрел в окно и взгляд его,

озабоченный и усталый, выражал то состояние, когда непредвиденные события не только волнуют, но и гнетут. Пытаясь угадать его мысли, я предполагал, что его мучает сознание жестокого с несоответствия того, что когда зло напористо действует, то добро оказывается беспомощным, особенно тогда, когда чем-то, как-то будут нарушены привычные течения человеческой жизни. В В эти минуты мне подумалось о том, что в критической ситуации надо смело поворачивать руль в сторону заноса, активно сопротивляться, иначе инерция не замедлит выбросить на обочину.

Прошел час, другой... Ожидание становилось тягостным. Только Мэндэ Унарович, успевший привыкнуть ко многому в жизни, сидел так же спокойно, как и прежде.

БУЛЧУТ

Рассказ

Большинство северян — рыболовы и охотники. Но не о каждом из них рассказывают легенды и предания. А если есть такой человек, про него говорят, что ему помогает сам Баянай, дух-покровитель охоты. Всякие бывают охотники. В детстве мама поясняла это так: «Видишь, на руке у меня пять пальцев. Из них один длиннее, второй толще, третий сильнее других — одинаковых нет. И охотники тоже бывают разными».

И правда, тайга никому не делает исключения, любого из нас удача с неудачей подстерегают в равной мере. Но почему кто-то постоянно возвращается с охоты с добычей? Ладно, раз или два каждому из нас может привалить неслыханная удача, это называется просто — везение. А кому-то везет каждый день, будто все звери и птицы нарочно ищут встречи с ним.

Поглядишь на такого везучего: — обыкновенный с виду человек, не лучше, не хуже тебя снаряжен и одет. И все-таки отборная добыча принадлежит ему. Почему?

Оказывается, не я один над этим ломал голову. По словам моей матери, немало прожившей на этом свете, тайну эту люди пытаются разгадать испокон веков. Многие сказки и предания об охотниках, наделенных чудесной силой, наверняка появились из-за таких рассказов.

Вот один.

...Жил в стародавние времена человек по имени Алгама. Был он немощен и беден до крайности. И прознал он однажды, что где-то в таежной глуши, один

такой бедолага, у которого с голоду умерли жена и дети, с горя повесился на суку сухостойного дерева. Алгама знал из древних сказаний: если невезучий охотник снимет с шеи удавленника веревку и тайно от всех людей будет носить ее с собой, а найдя след зверя, хлестнет веревкой поперек следа и затем завяжет на ней узелок, то зверь тот непременно попадет к нему в руки. Но самое страшное — если кто-то узнает его тайну, его постигнет участь того несчастного, чьей веревкой он воспользовался. И Алгама, прекрасно зная это, пошел на такой шаг. Но, говорят, прожил он после этого совсем недолго...

Никто не знает, сколько веков таежники рассказывают про этот подлинный случай в назидание молодым. И каждый, кто поведал о нем, в конце добавляет: «Никто не позавидует охотнику, который пользуется таким способом, никто не ищет встречи с ним, хотя добычлив он баснословно. А если тот, кого называют «охотником от Баяная», свяжется с таким нечестивцем, то удаче его приходит конец — Баянай отворачивается от него». Уж лучше терпеть голод и холод, выбиваться из сил, но сохранить свою честь незапятнанной и не прослыть охотником-чародеем, спутавшимся с нечистой силой.

Про одного реального человека мне довелось услышать похожий рассказ. Я, конечно, не поверил и счел, что это сплетня. Имя этого человека Булчут, то есть Охотник.

Женившись, после службы в армии, я поехал работать в небольшую деревеньку Джура. На южной окраине села жил со своей старухой этот самый Булчут. Мы с женой сняли домик вдовы и стали соседями Булчута. Старику шел восьмой десяток, но был он крепок и резв не по годам. По договору он добывал пушнину, план выполнял исправно, тютелька в тютельку, хотя мог перевыполнять в несколько раз.

В выходные дни я любил побродить с ружьем по лесу, пострелять боровую дичь и зайцев. Был я молод, легок на ногу и уходил довольно далеко. И как-то раз встретил в тайге своего соседа.

Старик мне очень обрадовался и рассказал много любопытного. Речь зашла о горностае, который, юркнув в прогнивший насквозь ствол дерева, начинает выглядывать то там, то сям и сбивает преследующую его собаку с толку. «Хоть и провел его шустряга-

горноста́й, а умница, каких еще поискать, — сказал Булчут, ласково глядя своего пса. — Безошибочно найдет по снегу мой летний след. А нюх у него — почти как у колонка или горноста́я». И тут я вспомнил, что про старика односельчане говорили: «Колонки и соболя сами ищут встречи с Булчутом и нарочно лезут в его капканы». Вскоре мы с дедом с удовольствием пили горячий чай в его зимовье и вели душевную беседу. С тех пор началась наша дружба. Чуть выдастся свободный день, я спешил к старику в лес, а в гостинец нес женины пирожки. Когда я приносил маленькие батарейки для карманного радиоприемника или фонарика, Булчут радовался как дитя.

В том году неожиданно умерла старуха, которая прожила с дедом бок о бок всю жизнь и понимала его с полуслова. Приходилось слышать, что супругов, проживших вместе до преклонного возраста, даже смерть берет почти одновременно. Слег от горя и мой друг Булчут.

Я собирался навестить его, но всякий раз откладывал визит. Получив известие, что старик просит меня прийти, я был сильно пристыжен. Помчался к нему, даже не пообедав. Старик лежал в давно не топленном доме, укрывшись стареньким одеялом и надев шапку, в которой ходил на охоту. Он искренне обрадовался моему приходу. По голосу было видно, что он крепко сдал. Поговорив с ним о том, о сем, я ради приличия спросил, чего он хочет поесть. Булчут как-то растерялся, а пока он нашел что сказать, его семидесятилетняя сестра, ухаживающая за ним, пожаловалась: «Давеча попросил супа из куропатки, я сварила, а он даже не попробовал».

— Расскажи лучше о чем-нибудь, — попросил дед.

Я пересказал ему все деревенские новости. Между прочим поведал о том, что сходил в больницу и что врач мне сказал про эпидемию гриппа. Еще я некстати брякнул, что болезнь эта неопасная и он должен скоро выздороветь. Булчут лишь горестно усмехнулся.

— Видно, не придется нам больше вместе охотиться и беседовать, — сказал он. Я как мог утешал его, но старик продолжал говорить свое завещание. Сперва он сказал о том, где его следует похоронить, что место он выбрал себе подле своей старухи, сообщил, где лежат его охотничьи припасы и снаряжение, и в каком зимовье с какого угла дует.

Я давно хотел узнать у Булчута, почему люди называют его охотником-чародеем, но что-то мешало мне начать такой разговор. На сей раз старик сам затронул эту тему.

— Ты, верно, слышал, что меня называют чародеем. Не верь этому. В охотничьем деле никакого волшебства быть не может, это нелегкий и сложный труд. Просто-напросто охотник должен быть незаурядным человеком, очень мудрым и находчивым. Сами звери и птицы учат человека этому. Надо терпеливо и вдумчиво наблюдать за ними. В лесу каждый зверь имеет излюбленные места обитания, каких-то звуков и запахов звери не боятся совсем, а какие-то пугают их до смерти. Возьми, хотя бы, к примеру, дятла. Все звери с удовольствием слушают, как он день-деньской неутомимо выстукивает свою дробь. Убьешь местного дятла, и все лесные обитатели насторожатся. Сперва они будут с надеждой прислушиваться — не застучит ли дятел снова, потом испугаются, поднимут переполох, затем поспешат найти себе безопасное место. Так то. Уж лучше в угодьях, где охотишься, ничего без надобности не трогать. Я стараюсь приучить животных и птиц к себе и постоянно даю им знать, что живу рядом с ними. Ты тоже стремись в их глазах не показаться убийцей, старайся быть им другом и таким же лесным жителем, как и они. Некоторые не знают этих секретов. И с людьми ты должен обращаться по-доброму...

Есть у меня одна тайна. Люди пытались разгадать ее, но так и не смогли. Только с досады прозвали чародеем. Тебе я доверяю. Я понял, что ты по-настоящему любишь природу и по натуре человек не жадный. Я нарочно вызвал тебя, чтобы перед смертью поделиться с тобой своей тайной.

Услышав это, я невольно подумал: «Ага, верно, оказывается, его называли волшебником».

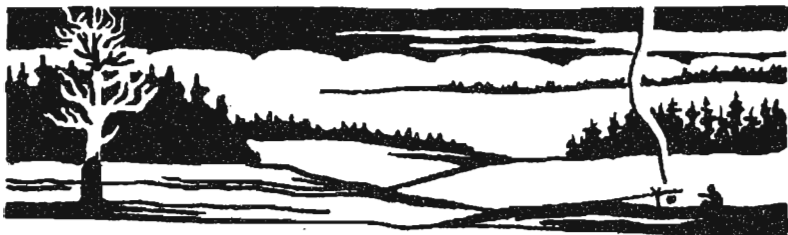
— Есть у меня секретный способ, который позволяет мне удачно охотиться на горностаю, колонка и соболя,— произнес старик.— Знаю прекрасно, что если люди узнают про него, то последствия будут равносильны проклятию в мой адрес. Больше всего боюсь этого. Даже старухе своей не открылся. Если тайна моя станет достоянием людей, то узнают ее и алчные, завистливые людишки. И исчезнут тогда с лица земли и горностаи, и колонки, и белки, и соболя. Ты обра-

зованный человек, поэтому поймешь, что охота таким способом ни славы, ни счастья тебе не прибавит. А знать про него ты обязан для того, чтобы впредь никто не мог использовать его. Ну, слушай. Да, было время, когда и применял свой секрет, принудили меня к тому бедность, голод. Но потом я перестал его употреблять. Заклинаю, не открывай моей тайны никому. Пусть это будет залогом нашей дружбы...

И Булчут открыл мне свою тайну. Из его рассказа я понял, что лишь благодаря своему выдающемуся уму и находчивости этот человек сумел разгадать удивительную тайну природы, овладел ею и стал единственным ее носителем. Не зря людская молва назвала его волшебником!

Держа холодеющую руку Булчута, я поклялся никому этой тайны не открывать. И все же старик лежал, с тревогой глядя в одну точку, будто жалея о сказанном.

Я про себя клялся: «Если эта тайна природы будет разглашена, то жадность и зависть навечно встанут между человеком и природой, и связь человечества с его колыбелью прервется. Если это произойдет и замечательные зверьки исчезнут с лица земли, то разве найдется проклятье более тяжкое и мрачное, чем то, что обрушится на виновника всех несчастий живой природы?!»

ОСУРГИНАТ

Рассказ

Не любит старый охотник Ефим Камыргин вспоминать о своем возрасте, считать уплывшие в прошлое годы. Потому и вопрос — «Сколько лет тебе, отец?» — заставляет его невольно вздрагивать. Даже не сам вопрос, а следующая после ответа реакция спрашивающего — то восторженное удивление, то участливо-жалостливое покачивание головой, а то и плохо скрытая мысль: зажился, мол, в этом мире старец... Не очень все это приятно, тем более, что сам Ефим думает по-другому: хотя усы и борода его могут соперничать по белизне с горностаевым мехом, — рано еще ему вешать ружье на сук. Нет, немало он еще поедит и побродит по притокам любимой Лютенги — речки, с которой связано и детство его, и юность, и вся остальная жизнь. Особенно не хочется уходить теперь, хотя и появилась надежная ему замена, надежда и отрада внук Гриша. Прямо на глазах становится уважаемым в совхозе охотником, со своим почерком, своей твердой жизненной тропой. Его, Ефима, школа. Вот и тянет лишний раз в тайгу — полюбоваться на внука, а порой, глядишь, и совет какой дать, подсказать что. Главное, что не останется теперь без хозяина Лютенга, продолжит Гриша дело Ефима Камыргина, дело, предками завещанное и на совесть исполняемое. Что ни говори, а утешил внук под старость, утешил...

Длинным мамутом* тянутся мысли Ефима, под стать извилистой сокто**, присыпанной снегом, по

* Мамут — аркан для ловли оленей (эвенкийск.).

** Сокто — тропа (эвенкийск.).

которой неторопливо бредет его верховой олень. Полюбил он в последние годы вот так неторопливо называть ожерелье дум в неспешном пути.

Еще немного и распахнется перед ним долина Лютенги. С высокого увала завиднеются, задрожат в мареве горы на противоположном берегу, затемнеют пересекающие их распадки. А на одном из самых высоких мысов четко обозначится громадный силуэт старого Осургината. Осургинат... Как и всякий мужчина в их роду, Гриша с детства знает эту священную лиственницу, помнит обычаи, с ней связанные. Конечно, следуя им, внук поставил палатку подальше от Осургината. Это так. Но вот стоял ли он под ним, склонив голову, просил ли об удаче?.. Скорее — нет. Своей дорогой он идет, новой, и не во всем должен следовать старикам. Главное — чтоб землю эту любил, пользовался ею по-хозяйски. А старый Осургинат и без поклонов молодых будет еще долго стоять над щедрой тайгой Лютенги, собирая на своих ветвях множество белок.

Что ни говори, а кровь потомственного следопыта дает о себе знать — в старину мы обычно начинали промысел от Осургината, вот и Гришу сюда потянуло. Конечно, он вряд ли кормил огонь и взывал к покровительству лесных духов, но уж наверняка внимательно осмотрел Осургинат, должен помнить старую приметку — как много белок развелось нынче на священной лиственнице, так много будет их в окрестной тайге. Не раз уходил Ефим отсюда, окрыленный добрым предзнаменованием, и оно сбывалось. А теперь вот внук... Вспоминая о Грише, старик тепло улыбался в белые горностаевы усы.

До прошлого года молодых охотников в совхозе прикрепляли для обучения к нему, Ефиму Камыргину. А в этот сезон доверили Грише, будет двоих парней обучать таежным премудростям. Напарники внуку, вроде, неплохие попались. Один — сын русского старожилки из поселка Чекурка — Степан, а другой только училище промысловое окончил, родом откуда-то из-под Амги — Нюргуном зовут. Смотреть было на них приятно, как готовились к выезду — радостные, возбужденные. Свою молодость вспомнил. Да и что там, охотник охотника всегда поймет...

Непривычно как-то — Гриша, внук и... бригадир, наставник. Самому лет-то... А впрочем, к тайге при-

вычен, родной дом для него: и сноровистый, и смекалкой не обижен, и костер тебе в любой дождь разведет, и палатку в мороз поставит, а уж стреляет, да топором орудует,— любой позавидует. Только бы не возомнил о себе, не загордился...

Едет Ефим посмотреть на внука, за семьдесят верст едет. Как они устроились там? Как тропить начали? Как новички таежную науку осваивают? Все интересно деду. Внук наверняка рад ему будет, а уж для него самого встреча — праздник да и только!.. Недалеко уже до их стоянки, скоро продолжатель рода, как говорят эвенки, «сушитель его копыт», выйдет навстречу, обнимет крепко. Новый хозяин Лютенги...

Старик вглядывался в даль, ища дымок стоянки, но неожиданно для себя вдруг заметил его совсем рядом с Осургинатом. «Как, почему?» — удивленно вспенулась мысль, защемило сердце, собрался морщинами лоб. «Неужели Гриша забыл, что нельзя так близко от него?» Ефим заторопил оленя, весь подался вперед.

И еще раз больно резануло его грудь: где-то там, у поднимающегося над тайгой дымка, захлебываясь, трещала и выла мотопила, разрывая этими чужеродными звуками вековую тишь Лютенги. «Как же мог, Гриша, рядом с Осургинатом... Такое.... Как мог!.. — билось в голове.

Но все оказалось еще хуже. Выехав из-за леса на поляну перед священным деревом, Ефим чуть не свалился с оленя — Гриша и двое его друзей подпиливали мотопилой сам Осургинат! Не желая верить, старик протер глаза, но это ничего не изменило: вспотевшие, разгоряченные парни возились у комля огромного ствола, давая друг другу советы и пытаясь одолеть священного гиганта с полным пренебрежением к нему. Они так увлеклись, что заметили старика, когда он подъехал уже совсем близко. Гриша радостно опустил на снег мотопилу, бросился навстречу, подхватил деда из седла и окружил в воздухе.

— Приехал! Приехал, милый мой старик! Вот молодец! — радостно восклицал он. Приветливо улыбались и Степан с Нюргуном.

Но Ефим, едва не ударив внука, вырвался из его объятий, а когда тот снова бросился к нему, отстраняясь, протянул руки.

— Что ты сделал?! Как ты посмел! — прокричал

никогда не повышающий голоса Ефим, указывая на священное дерево.

От этого крика Гриша сжался, будто получил оплеуху, весь как-то сник, сделался маленьким и жалким. Ефим же, схватив за повод оленя, быстро обошел вокруг Осургината, не отрывая взгляда от его верхушки. Степан и Нюргун, так ничего и не поняв, следом за ним вскинули головы и пытались разглядеть, что же увидел там, в ветвях, разозлившийся дед. А он, качаясь на шатких стариковских ногах и дергая не поспевающего за ним оленя, кинулся прочь по тропе, словно уходя от погони.

— Ни-чего не понимаю... Ни-ни-чего...— смятенно обронил Степан.

— В чем дело, Гриша? Чего это он?..— вопрошающе уставился на друга Нюргун.— Или дерева ему жалко? Да их вон сколько кругом.

Ничего не ответив, Гриша медленно побрел к палатке.

— Может, догнать старика? Как же он назад на ночь глядя?!— забеспокоился Степан.— Семьдесят верст же до села...

— Бесполезно... Не вернется...— безвольно проронил Гриша и скрылся в палатке.

Поняв, что случилось что-то непонятное и нехорошее, Степан заглушил мотопилу. Навалилась гнетущая тишина. Потом они втроем долго сидели в палатке, не зажигая свечи и не глядя друг на друга. Только потрескивал огонь в железной печурке, неяркими вспышками высвечивая хмурые лица.

...Гриша нарочно поставил палатку так близко от Осургината. Ему хотелось, чтобы новые друзья сполна ощутили всю мощь и красоту диковинного дерева. Его дерзко взметнувшаяся в небеса могучая крона то плавными переходами, почти неуловимо, то резко и неожиданно преображалась едва ли не ежечасно. Рано утром, когда вокруг еще не рассеивались сумерки, макушка Осургината вдруг вспыхивала золотистым пламенем — это первые лучи восходящего солнца высекали огонь об его вершину. Солнце поднималось выше — и пламя растекалось вниз по ветвям. Днем дерево слепило серебристым инеем, нежно опушившим его старый и много повидавший ствол. А по вечерам, когда из чащи выползали длинные черные тени и бесшумно опускалась тьма, вершина Осур-

гината долго-долго алела, в ней гасли последние искры уходящего светила. А ночью, выйдя из палатки и бросив случайный взгляд на Осургинат, парни не раз вздрагивали от удивления: накопть темноты поглощала все вокруг, и только вершина Осургината сияла светлой позолотой — это ласкала ее своим светом поздно выходящая на небосклон луна. Гриша переполнялся гордостью... Показывая друзьям эту красоту, правда, никогда не говорил, что перед ними священное дерево эвенков, что большим грехом считается нарушение его покоя и величия, — он боялся насмешек парней, упреков в суеверности.

Для Степана и Нюргуна Осургинат был просто деревом, большим, красивым — и только. Гриша, конечно, задумывался о том, что боготворить и охранять дерево заставило его предков нечто большее, чем просто суеверие, но это «большее» казалось ему преувеличенным, надуманным.

Человек быстро привыкает ко всему, в том числе и к красоте. Привыкли к волшебным преобразованиям Осургината и молодые охотники. А вот привыкнуть к морозу, который крепчал, было нельзя. Ненасытная печурка требовала все больше дров, а сушняка поблизости не было, приходилось носить его издалека. Переставлять палатку и заново обосновываться не хотелось. И вот они все чаще стали посматривать на нижние сухие ветви Оургината: при такой толщине их хватило бы на добрый месяц.

...Поздним вечером Гриша обратился к друзьям, которые так и сидели молча в своих утлах:

— Я-то должен был рассказать вам раньше... Но послушайте хотя бы теперь... Лиственница, которую мы хотели спилить на дрова, стоит, как вы сами видели, на видном месте, самом высоком мысу Лютенги, с любого из увалов видно ее, нет ей в этих краях равных по красоте и мощи. Потому, наверное, именно на этой лиственнице ведут весной свои любовные игры белки, собираясь с ближних притоков речки. Видно, и белкам не чуждо чувство красоты... Эту лиственницу мои предки-эвенки окрестили Осургинатом — деревом счастья и изобилия. По тому, сколько собиралось тут белок, они умели очень точно определить их урожай на будущий год. По их законам весной нельзя было даже подходить к Осургинату, а в любую другую пору года — стрелять в сидящих на нем птиц или

зверьков. Нарушение считалось тягчайшим из грехов... Было во всем этом, как я сейчас понимаю, больше народной мудрости, чем суеверия. Осургинат и подобные ему деревья были как минизаповедниками, где те же белки могли безбоязненно заводить семейства и размножаться, чтобы потом пополнять окрестную тайгу. Дед Ефим рассказывал, что его дед в свое время видел на ветвях Осургината одновременно несколько сотен белок, да и сам дед до сотни насчитывал... В минуту тяжелых дум мужчина-эвенк шел к Осургинату, чтобы, любуясь его красотой и игрой белок, рассеять грустные мысли, найти единственно правильное решение, определить по его величию глубину своей души и разума, попросить счастья и благополучия. Много поколений рода Камыргиных тянули отсюда свои охотничьи тропы жизни.

— Почему же ты не рассказывал всего этого раньше? — возмутился Степан. — Позволил почему?! Да знай я, что это — Осургинат, я бы близко к нему не подошел. Мало ли в лесу деревьев, притащили бы, не надорвались!

— Почему не рассказал? — переспросил Гриша и, вздохнув, тихо ответил: — Боялся, что смеяться станете, суеверия, мол, развел. Да и казалось почему-то, что спилим это дерево — белки выберут себе другое...

Какое-то время они сидели молча, а потом, не сговариваясь, потянулись к выходу, шагнули в ночь.

В полной темноте светилась вершина Осургината. Легкий ветер чуть раскачивал ветви дерева и тихий скрип их казался живым стоном раненого и смертельно обиженного Осургината. «Может, оправится, выстоит? Не так уж велики и запилы»... — с надеждой думали Нюргун и Степан, Гриша лучше их знал тайгу и потому понимал, что подпиленная лиственница протянет теперь недолго, скоро с тяжким грохотом обрушится она со своего утеса в волны Лютенги и вместе с ней уйдет из окрестной тайги что-то большое, значительное. Может быть, произойдет непоправимое: растерянные белки разбредутся по весне в разные стороны и оскудеют исконные угодья Камыргиных.

БУЛЧУТ

Кэпсээннэр

СААХАЛЛАНЫ

Кэпсээн

Киһи кыһыйах, тыаҕа таҕыстын да кыылы, көтөрү хото экиретиэхтээгин, харса суох сулларыхтаабын, оттоң күөлгэ, үрэххэ киридин да балык арааһын хоторон таһаарыхтаабын эрэ курдук саныыллар. Өссө «тупсаран», сырыыга төһө барыс кириэхтээгин кичэйэн сабаҕалааһын буолар. Дьэ оннук санаа эйгэтигэр көтөхтөрө сылдьар дьоннор хантан уонна хайдах билиэхтэрэй булка үлүһүйүүттэн уонна тыа дьиктилээх абылангыттан ураты өссө бэйэ-бэйэни өйдөһүү, дуоһуя кэпсэтии, ис сүрэхтэн иэйии, дьүһүйүү диэн сүрэх-дууһа дьэгдыйиитэ эйигин биһир, сүрээгин өрүкүтэ көтүтэр кэрэ кэмэ баарын.

Эр дьоннор тыыннаах айылҕаҕа бүөмнээн сылдьан, санаалара, майгылара сөп түбэһистэринэ, тыл-тылларыгар кириһэр буоллахтарына, адьас бииргэ төрөөбүт ини-бии дьон курдук буолан хаалаллар.

Булт туһунан санаһы эрэ буоллар, мин кыттыһан бултуур доҕорбун Мэҕээлэни санаан кэлэбин. Мин харахпар киһи үүтэнигэр тийиэн, киһи сатаан эппэт үөрүүтүнэн үөрэн, киһи туораттан манньыа көрүөх курдук кэрэтик тутта-тутта сири-дойдуну эргиччи көрүөлүү турара субу көстөр. Арай сүүс төгүрүк сыл муна сылдьан баран, төрөөбүт-үөскээбит дьэтигэр этэнгэ эргиллэн кэлбит киһи итинник имэҥнээхтик дууһата умайыктаныа этэ ини. «Эх, ойуурум барахсан, о-ох! Ыраас салгын барахсан»,— дии-дии, киһи олус дуоһуйан, тыылангыһыр, салгыны өрүһүспүттүү эбирийэр, үлүскэн үөрүүттэн харахтарын иччилэрэ чабылыһа умайаллар. Сирэйэ сырдыыр.

Кутаа оттон хапсагайданар.

Мин сөжөрүм диэн баар, кини ойуурга хас хардыгытын аайы хайаан да туох эрэ кэрэни-дыктини, уһулуччуну, соһуччуну була охсо, бэлиэтии көрө сылдьааччы. Эчи, сөжөрө-махтайара, аһынара-харыстыгыра элбэҕин. Манна бултуу буолбакка, ангардас айылҕаны кэрэхсии, кинини эрэ одуулаһа кэлбит киһи курдук. Мэхээлэ итинник умсугуйар үгэһин мин ис сүрэхпиттэн сөбүлүүбүн, үчүгөйдик өйдүүбүн, дыһынээхтик ылынабын, кини оҕолуу ыраас үөрүүтүн үллэстэн, дьоллонобун.

Мэхээлэ бэйэтэ кэпсииринэн аҕата соччо булчута суох киһи эбит. Куруук сүөһүнү көрүүгө-истиигэ үлэлиир буолан, алааһын саҕатыттан тахсыбатах, арай куобах мэнээгин сағана, күрэххэ оҕо-дьахтар барыта тағыстағына, кини да биирдэ эмэ барсара үһү. Булка сыһыана — сыччах ол. Ол гынан баран булт туһунан куолулааһыны бағас сатыыр эбит. Мэхээлэни кыра эрдэҕиттэн ангардас кыһыл тылынан булка уһуйдаҕа. Оттон ийэтэ буоллағына, соғуруу уобаласка төрөөбүт эрээри, биһиги бу хоту сирбитин таптаан, дойду оҕостубут. Мин ардыгар саныыбын: Мэхээлэҕэ, тыаттан тэбэр удьуор хаана суох киһиэхэ, дьэ хантан уонна хайдах бу тынанан үлүһүйүү үөскээтэ, буолаары буолан итинник күүскэ ылларан туран, дьэ туохха абылатта?

Тыаҕа сылдыбы киһини сынанан-арыынан аҕаабат. Олус эрөйдээх буолар. Ону барытын Мэхээлэ өйдүүр уонна бөркө билэр. Байанай биэрбэтэҕинэ, кини санаатын кыратык дағаны түһэрбэт. «Илии тутуура» суох төннөн иһэн, дуоһуйа бултаабыт курдук омуннаах кэпсээннээх. Ангардас оннугун эрэ түмүгөр кини табаарыстарын ортолоругар дьаарай булчут «арбаҕаһын кэтэ сырыттаҕа». Онтон ордугурҕааннар сорохтор «браконьер» диэн кэтэҕиттэн үөҕээччилэр. Арай кэргэнэ Настаа эрэ «куһаҕан булчут» диэн оонньоон дуу, кырдык дуу, санаа хоргутуулаахтык ааттыыр. Мэхээлэ онно эрэ кыһаллыбат.

Ол да буоллар бу киһи туһунан биир санаа тоҕо эрэ сотору-сотору өйбөр охсуллан ааһар: өскөтө Мэхээлэттэн дууһатын итинник имэнин былдьаан ыл, умулуннар, сатаан санаабаппын, кини хайдах-туох киһи буолуоғун.

Дьэ ити курдук тутуспутунан, этэргэ дылы, «биир өлүүгө сылдьан», биһиги биирдэ улахан айдаанҕа

түбэһэн турардаахпыт. Ханньктаах да түбэлтэ булка сыһыаннаах буоллабына, кэлин саныахха кэрэ, бэйэтэ туһунан ымыылаах буолааччы. Оттон бу түбэлтэ бэйэтэ хоруолаах түгэхтээх, ыар күлүктээх, киһи санаатыттан аһан-араһан быстыбат. Ол манньк этэ. Биридэ субуота сарсыарда эрдэ баһайы Мэхээлэ миэхэ телефоннуур!

— Аһаал, били дойдубутугар баран кэлбэппит дуо? Ити «дойдубут» диин бу куораппытыттан сүүрбэ кэстөөх сиргэ, кэрэттэн кэрэ кэстүүлээх Буотама үрэхпит барахсан бизэрэгэр турар үүтээммитин, онно бултуур толооммутун ааттыр. Мин итинник сырыыттан хаһан аккаастаммытым баарай?

— Барыахха,— диибин,— ол гынан баран массынабыт алдьанан турар буолбаат?

— Ыалым киһи «газиктаах», барсарга сөбүлөһөр,— диир Мэхээлэ.

— Чэ, оччоҕо барабыт.

Сотору буолан баран Сахабыт сирин халыг сис-тэрин хайыта сүүртэлиир, хайыр таастаах хайаларын быыстарынан эрийэ-буруйа дабайталыыр, киэнкыраһас үрэхтэриниин сырса сыыйылар Якутскай-Амур автотрассанан элээрдэн истибит. Ахсынны ый саамай тымны кэмэ буолан, биһиги кэннибитигэр аан туман оргуйа хаалар. Мотуор тыаһа бүтэнтик уонна күүстээхтик күүгүнүү иһэн, массына боллозу ойдоһуна, көлүөһөлөр төлүтэ көтүөлүүллэр, онтон мотуор харса суох барылаан ылар. Көлүөһөлөр аныларыгар бытархай таастар бачыгыры кыынна тыаһылар, ардыгар массына кынат тимиригэр сааллан, ону субу дьөлүтэ көтүөх курдук «ытыалылар». Суоппарбыт массынатын уруулун харса суох эрийэн кулахачытарыттан, уна-ханас салыта дайбатан айаннырыттан, ол быһыгар үөхсэн ыларыттан сибикилээтэххэ, хайаатар даһаны сытыы эрэт, жалбархай соһус ыччат быһылаах. Оннук киһи билсигэ охсоро даһаны бэрт түргэн, сулбурҕа буолааччы. Киһибит ыйыттарыта да суох бэйэтин туһунан сиһилии кэпсигэ истэ.

Магомед Орто-Азияттан манна соторутаабына кэлбитин, сахалар күтүөттэрэ буоларын, кини кынна оһонһор уруккута улахан үлэһит эбитин, онон куоракка салайар үлэһиттэргэ билигин даһаны улахан апаратыаттаабын, онто бу күүстээх массынаны ол-бу иннигэһэ суох, уочараты тумнап, атыылаһа

охсорго «хайагас аһан», көмөлөспүтүн барытын аһа-
бастык кәпси оғуста. Аны булт, сыры туһунан
инән-тонон ыйыталаста. Тайағы бултуурга көңүл-
лүүр кумаағылаахпытын истән улаханлык үөрдә,
сәргәхсийдә, астынна. Өскөтө биир орто тайағы «суул-
лардахпытына», ону үс киһиэхэ үлләрдәххә, хасты
киилә эт тиксиэхтээгин суоттаата, барыс кириитин
ааған көрдө. Оннук элбәх эти тиэйиңгә арай массы-
натын рессоралара дьарамайдара эрә кыратык дык-
синнәрәлләр эбит. Ол гынан баран Магомед самай
куттанара диән — олох кураанах төннүү. Мәхәәлә:
«булка көннөрү, туга да суох төннүү үгүстүк буо-
лааччы», — диән Магомед өрүкүйбүт санаатын бу-
катын умулуннара сыста. Массынабыт кытта бы-
таарбыт курдук буолла.

— Саарбах сыры эбит буолбаат? Кырдык ку-
раанах төнүнәхпитинә дьә таах ороскуот буолууһу,
сатаатагына, ойохпор эт тиэйә бардым диән быһа
эрәнән этән кәбиспитим, — киһибит дьиннәхтик кәм-
синән барда. Ол да буоллар массынабыт түргәтээ-
тәр-түргәтәән, синим-биирим диэбитти мотуорун тыа-
һа харса суох куугунуу истә. Мәхәәлә куолутунан
түннүккә сүүһүнән сыстан, эләннәән аһар мастары
одуулуу, суолу туора быһа ойуоххалаан ааспыт куо-
бахтар суолларын умсугуһа ааға олордо. Сирбитин
ортолоон эрдәхпитинә, Магомеппыт дубук туттуутун
түмүгәр, массынабыт субу охтуох курдук икки диэки
дыалкылдыһа. Көлүөһәләр таастары сынар тыас-
тара сүрдәхтик хачыгыраата, туормастар ыйыллы-
бытты кычыгыры тыаһаатылар, массынабыт
ойоғоһунан халыйаат суол тас өртүгәр эһиллибитин
өйдөөбөккө да хааллыбыт. Хайың нөңүө, дириң хол-
лороон хомурағар хаары уоба түспүт массынабыт
сүр үлүгәрдик бөтө-бөтө орулаата, хойуу паарынан
уһуутаата. Кабинаттан сулбу ойон тахсаат, биһиги
дириң хаарга самахпытыттан ыйана түстүбүт. Суоп-
парбыт «приехали» диэтә уонна тиһин быһынан
сыһан, иһиирән эрә кәбистә. Хасыһы буолла.

— Идәән, массынабыт иннинән да көннинән да
барар кыаға суох буолбут, олус дириңник онкучахха
олорбут, онуоха эһи мотуор салгы үләлиирә сатам-
мат, туга эрә саахалланан олус итиһбит, кыһыл лаам-
палара умайдылар, — диэтә Магомед уонна мотуорун
умулуннара оғуста. Биһиги, хоту дойду дьоно, чакчы
идәән тахсыбытын эппитинән-хааммытынан билин-

нибит. Оттон Магомед баґар сабаґалаан эрэ билэрэ буолуо. Ахсынны ыйга, тыгмны биес уон кыраа-дыстан түһэн турдаґына, массына мотуора үлэлээ-бэт буоллун да уонча эрэ мүнүүтэ кини ириэнэх ту-рар, онтон хам тонмутунан барар, туох да быһһаа-бат. Ол курдук массынаґын көрбүтүнэн туранґын, тонгон өлүөххүн сөп.

Суолга баара эрэ биир чаас кэриэтэ турдубут да массынабыт түннүктүүн-үөлэстини чонкуйа кырыа-ра оґуста. Били күп-күөгэґнэс поролон олбохторо бөһүйэ тоґоннор, киһини хаарыйар буоллулар. Суол массынатын күүтэбит. Мэхээлэ хаарга тайах курдук атаралы, куобахтыы ойуоккалы оонньуу сырытта. Кини ити тонумаары гынарын Магомед таайбат кур-дук «эх, чудак» диэн ылыталыыр. Оттон бэйэтэ ти-тири-титири, ньыкыйаґынан-ньыкыйан, бог-доллон олорор.

Дьолго олус өр буолбатыбыт. Чуурка тизийилээх самосвал сирилэтэн кэлэн, биһиги таспытыгар тохтоон, чигди хаарга көлүөһэлэрин тыастара курдьугунаһа түстүлэр. Суоппар, эдэркээн саха уолчаана, биһигини син-биир көрдөһөр дьоннор тураллар диэн бэйэтэ сэрэйэн, массынатын кэннинэн чугутан, хаарга ба-тыллан турар «газика» чугаһаппытынан барда. Эрдэттэн бэлэмнээбит торуоспутунан бэрт түргэнник холбоно оґустубут. Уолбут: «Манна, чугас «Алаас» дэриэбинэ баар, гаражка тириэрдизм» — диэтэ да састорбутунаан барда. Сааһыламмакка, туора-маары, күөрэ-ланкы тутуллубут дьизэлэрдээх «Алаас» дэриэ-бинэ киин уулуссатынан састорон иһэбит. Массына-быт кырыарбыт түннүктэрин тыыммытынан, илии-битинэн ириэрэ-ириэрэ төттөрү-таары хаамсар дьонно-ру, сырса-сырса үрэн маргыһар ыттары, олбуордарга бааллан турар сыарґалаах аттары сонургуу көрө истибит. Дэриэбинэ дьоно эмиэ биһигини дьиктиргии көрөллөр. Самосвалаах уолу ара хаста да тохтото сырыттылар. «Туохха түбэспит дьонноруй» диэн туо-һулаһан эрдэхтэрэ. Гаражка тийдибит. Самосвалаах уолбут биһигини ылбытын курдук, эмиэ тугу да кэпсэп-пэккэ, төлөрүтэ охсоот, «сыр» гыннаран хаалла, баһыбалаабакка да хааллыбыт. Тугу-ханьыгы ыйы-талаһан билпиит, гараж сэбиэдиссэйэ кэргэнэ ыра-ханьан оґолонон, ону илдьэ куоракка барбыт. «Кини онугар мин хаалбытым, мин хаһаайым-мын», — диэн биир итирик киһи биһигини үүйэ-

хаайа тутта. Хайяхпытый, кинитэн көрдөһөрбүтүгэр тийдибит. Киһибит улаханлык быһаартарбата: суолга саахаллампышпытын бэйэтэ да көрөн турдаҕа. Хаһаайын быһыытынан дьону ыңыртаан сүүрдэ-көттө, хайытайданна. Биһиги массынабытын тоҕо эрэ гараж саамай түгээр астаран кэбистэ. «Айан дьонобут, сотору тахсыахтаахпыт, алдьаныбыт, кырдыга, улахана суох буолуохтаах, онон биһигини аан таһыгар туруордаргын, тахсарбытыгар мэхэйтоһой суох буолуо этэ» дьэн көрдөһөн көрдүбүт да, киһибит үөс-батаас биэрбэтэ. «Мин хаһаайыммын, тугу диэтим да онон бүтэр, хайдах гынным да оннук эрэ буолуохтаах, мөккүһүөххүт да таһырдыа быраҕаттыам, сип-сibiliгин, түргэн үлүгэрдик» дьэн буолла. Ону истэн баран хайдах мөккүһүөхпүтүй? Магомед массынабытын хаһыспытынан барда.

Гаражпыт ол ааттаах «хаһаайына» Миитээ Очуурап эдэрдини киһи эрээри, арыгыга быһа сизтэн, оҕоньордуну дьүһүннэммитэ өтө көстөр. Саната-ингэтэ бардырҕаан, илиитэ-атаҕа көңүл босхо хамсааннар, субу төбиэх, субу охсуох курдук, киһи да киһи. Эмиэ да көмөлөһөн күлүмэхтэнэр, ол быһыгар мөҕүтлээн өрө көбдүөрэр, тугу да сатаабаттары, билбэттери-көрбөттөрү, аналалары барыларын түгнэритэ саайталаан түһэртиэх буолар. Ол барыта биһиэхэ туһаайылларын таайбаппыт кэлиэ дуо. Биһиги кинитэн салла, дьаархана санырбытын бэйэ-бэйэбитин көрсүһэн, бүтэйдии өйдөстүбүт. Аан бастаан көрдөххө Миитээ Очуурап манна кырдык хаһаайыннарын курдук. Барыларың мөҕүтэлиир. Ньоспоччу испит харахтара сойбут миин курдугунан көрө-көрө, онон-манан көрөбүт уонна хараарбыт сирэйэ бороуран кэллэҕинэ, тийһин хабырынан кычыгыраттаҕына, киһи эрэ этэ тардыах, «дьик» гыныах курдук. Ол гыннан баран, арыычча чугасаһан, билсигэн, кэпсэтиһэн истэххинэ, Миитээ биллэр-биллибэттик мүчүк аллайан ыллаҕына, били саллыбыт санаан өһүллэр, эйэ дэмнээхтик аҕыйах тыл эттэҕинэ, олох да уоскуйаҕын эбит. Ол иһин буолуо, манна Миитээтэн куттанан чугуруннааччы көстүбөт, киниэхэ утаран өрө-бөлөнөөччү да суох. «Дьэнкэтээ, Миитээ» дьэн элэктиир икки ытыктыр икки ардынан ыңыраллар.

— Эһиги санга сиргэ дьаарбайа, көрө-истэ түһүн, бүтэрдим да ыңыртыам, — диэтэ Магомед. Биһиги Мэхээлэлиин гаражка киирэ-тахса сырыттыбыт. Бу —

«Илин» совхоз «Алаас» диэн отделениетын гараһа эбит. Манна трактордар, автомашиналар боксанан быһамакка, бары холбуу симиллэн тураллар. Кэлии-барыы үгүс. Араас маркалаах массыыналар тигинэтэн кэллэр. Сорох суоппардар массыыналарын туруораат, дьизэлэригэр элэс гынан хаалаллар. Оттон сорохтор массыыналар тастарыгар бөлөх-бөлөх мунһустаннар, табахтыыллар, арыгы иһэллэр. Миитээ бииртэн-биир бөлөххө элэстэнэр. Ол сылдыан туох да сылтаҕа суох, кимиэхэ да туһаайбакка быдыардык үөхсэр.

— Дьэнкэтээ, Миитээ, мэ, хантат уонна кизэр бар, — дһэллэр суоппардар. Куруускалаах арыгыны ууммуттарын Миитээ «сап» гыннараат, атын бөлөххө барар. Ол аймалҕан, лахсыыр быһыыгар биһиги билэ оҕустубут Миитээ Очуурабы тоҕо Дьэнкэтэ диэн хос ааттыылларын, кини олоҕун туһунан элбэҕи. Арыгыны өрүүтүн дьэнкэччи тутан сылдыарын иһин өрдөөтүтэ, өссө хаайыыга барыан быдан иннинэ, ким эрэ «сүрэхтээбит». Миитээ бастаан улаханник өһүргэнэрэ үһү. Кэлин өһүргэниэхтээҕэр өссө кизэн тутта истэр буолбут. «Улахан эбит, кини барыта иһэр, оннооҕор салайааччылар иһэллэр, арыгы син-биир ас буоллаҕа, аһылыгы хайдах тутта сылдыһам суоҕай» диэн уоскутунан, хос аатын букатыннаахтык ылыммыт. Дьэнкэтэ Миитээ — уруккута суоппар. Онон чугасаһыннаран уонна кини холуочук да буоллаҕына, ылыммыт үлэтин бырахпатын билэр буолан, гараж сэбиэдиссэйэ онно-манна бардаҕына, туох да эгэлгэтэ суох «Дьэнкэтээ, мин оннубар хаалаҕын, сэрэн, барыта орун-онугар буолуохтаах» диэн кэбиһэр эбит. Дьининэн Дьэнкэтэ хачыгаар.

Ити курдук билэ-көрө, кэпсэтэ сырыттаһытына, кузовыгар үүт кутар бөтүөннэри күөрэ-лаҥкы тизэбит массыына гаражка киирдэ. Кэлбит суоппар кабинеттан тахсан иһэн аттыы түстэ, хотуолаары кэҕиннээтэ. Дьэнкэтэ Миитээ үөхсүү бөҕөнөн кинини туруора сатаата. Онтон иккиэн бобо куустуспутунан массыына анынн диэки төкүнүйдүлэр.

— Кэһэтиэм, кэһэтиэм, — Дьэнкэтэ Миитээ булумахтанар.

— Дьэнкэтээ-ээ, Миитээ-ээ, — итирик суоппар силгэр чачайар, тиһин хабырынар. Ол дьаабылана сырыттаһтарына, кэлбит массыына кабинетын иһигэр ким эрэ орулуура иһилиннэ. Дьиктиргээммит массыы-

на аанын арыя баттаан көрбүппүт — уон биэстээх-алталаах уолчаан олох умньана итирэн хаалан баран, ытаан ньамайдана олорор эбит. Итирик да илэ да суоппардар уол тула муһуннулар.

— Оо, тойооску да бөжөбүн! Уоскар уоһах куура илигинэ бу арыгылаан сордонон эрдэххиэн, манник бэйлээх, биһиги сааспытыгар тийдэххинэ, хайдах буолабын? Бу сааты-сууту көр эрэ, — Дьэнкэтэ Миитээ итирик уолу хоруолаах үтүлүгүнэн сирэйгэ сабаата. Ол турдагына, кинини бэйэтин, ким эрэ сонун тэллэ-зиттэн тардыбытыгар, таас муостага тиэрэ лаһыйа түстэ. Киһи кэлэйиэх дуу, сүөргүлүөх дуу күлүүтэ гараж иһин толордо. Дьэнкэтэ Миитээ онуоха кумаардаан да көрбөккө, иитии үлэтин ыта турда. — Ноххо күн сарсынныттан гаражка кэлимэ, зйигиттэн синбиир суоппар тахсыа суоҕа. Оо, кэм буолан иһиэхпит. — Гараж иһинээги сүлүһүннээх салгын өссө хойдон, тыһнарга ыараатар-ыараан истэ.

Хата биһиги Магомеппыт барахсан өр гыммата, массынабыт хайы-сах сүүрүргэ бэлэм буолбут. Тонмут олбохторо үчүгэйдик ириэхтэригэр, естүөкүлэлэрэ кууруохтарыгар диэри чэйдииргэ быһаарынныбыт. Манна остолобуой суох эбит. Мунаахсыйаары гынан эрдэхпитинэ, биир оҕонньор бэйэтинэн ыһырда:

— Миэхэ тахсан чэйдээн, чугас олоробун. Бэйэм суоппар этим, биэнсийэлээхпин. Билигин гаражка кыралаан көмөлөһөбүн.

Оҕонньору батыһан дьиэтигэр тийдибит. Билсиги буолла. Оҕонньор аата Түмэпший, эмээксинэ Араппыана диэн эбиттэр. Сып-сылаас дьиэлээх, сахалыы ыалдытымсах, бэрт мааны ыал буолан биэрдилэр. Остуол тардылла оҕуста. Аһаан ортолоон эрдэхпитинэ, Дьэнкэтэ Миитээ киирэн кэллэ. Остуолга туох баарын кэрийэ көрбүтүттэн сэрэйдидит: арыгы иһэллэрэ буолаарай диэн, тийһинээри кэллэҕэ. Того эрэ биһиги Магомеппытын таһырдыа ыһыран таһаарда. Магомед киирэн: «хаһаайын» арыгы көрдөөтө, «биэрбэтим» диэтэ. Дьэнкэтэ Миитээ тугу эрэ саанардыы ботугуруу-ботугуруу барбыт. Ону истэн баран Түмэпший оҕонньор: «Аны иккис иэдээн тахсаарай? Араас быһыылаах-майгылаах дьонно бааллар» диэн дьиксиммитин биһиги ырыта, баһарса барбатыбыт. Киһи тумохтан эрэ салла саныыр, сэрэнэр буоллаҕына ол санаатыттан куота сатааччы.

— Куһаҕаннык олоробут, — дэстилэр оҕонньордоох

эмээхсин. Бу тыллара тута киһи уйулҕатын кыҥаа-бытынан киирдэ. «Куһаҕаннык олоробут» диэн мээһэ-ҕэ билинэ охсубаттар. Манньык тыл улахан кутурҕантан, абаны-сатаны, дьулааны нүһэрдик билинииттэн тахсааччы. Ол иһин биһиги оҕонньордоох эмээхсин кэпсээннэрин дьиппиэрэн олорон иһиттибит.

— Кырдыгы хайдах кистиэхпитий, кистээн да ханна тийиэхпитий, буолар буола турдагына. Арыгы алдьархайы онгортон эрэр. Вонсо-хаайса сатыыллар да, син-биир ити Дьэнкэтэ курдуктар булан иһэллэр — оҕонньор кэпсээччи буолла, эмээхсинэ эбэн, ситэрэн биэрэр.— Дьэнкэтэ Миитээ аҥардас арыгы эрэ тэбиититтэн биэс сылга хаайыыга олорон таҕыста. Бэйэтэ төрдүнэн-ууһунан Буотама үрэх устун көһө сылдыбыт булчут эбэнки уола. Аҕата, ийэтэ бэрт хоһуун-хоодуот барахсаттар этилэрэ. Кэлин ол Буотамаҕа бириискэ аһыллан, маһы-оту кэрдий саҕаланан, киһи-сүөһү үксээн, табалара ыһыллан хаалбыттара. Хайаахтыахтарай, бу Алаас дэриэбинэҕэ олохсуйбуттара. Оҕонньордоох эмээхсин олохторо уларыыйытын долгунугар оҕустаран сотору өлөөхтөөбүттэрэ. Дьэнкэтэ Миитээ соҕотоҕун хаалан, суоппардыы сатаабыта. Сатамматаҕа. Итирэн баран массынатын боротуохаҕа түһэрбитэ. Онтон сылгыһыт онгостубуттара. Өр үлэлээбэтэҕэ. Эмиэ итирэн баран бииргэ үлэлиир киһитигэр суоһурҕанан, сүөһүлэрин саанан ытыалаабыта. Ол туһугар хаайыыга түбэспитэ. Тыа киһитэ тыатыгар бултуу-алтыы сылдыбыта буоллар, баҕар итинник дьылҕаланыа суох этэ. Үүнэн турар мастан тостон түспүт мутук хатан хаалар дииллэрэ ити ини...

— Дьэнкэтэ Миитээ кэргэннээх, оҕолордоох, итир-бэтэбинэ син киһи курдук, баҕар өйдөнүө-төйдөнүө этэ, ону баара, бэйэтэ туолката суох сордооҕу кучуйаннар, тэбэн, тэмтэритэн иһэллэр,— эмээхсин эбэн биэрэр.

— Оок-сиз, бу айылаах үчүгэй олоххо, дьон-сэргэ булкуллан аххан эрэллэр. Быһы-майгы сатараата аҕай? Көрөбүт дуо? Ити бэйэлэх дьэни? — оҕонньор түннүк диэки бокуйбут тарбагынан ыйда.

— Биһиги маагыын, манна кэлээт бэлиэтии көр-бүппүт, бу бөһүөлэккэ саамай тупсаҕайдык тутуллубут олус үрдүк, киэн түннүктөрдөөх, элбэх киэргэллэрдээх бэртээхэй дьэ түннүктэрэ эргэ хаптаһынынан туора-таары саба сааллан, чонкуйа кырыаран

турарын. Маннык бэйэлээх дьиэҕэ тоҕо ким да олор-ботун дыктиргии көрбүппүт. Ол иһин тута сэргии түстүбүт.

— Ити Тыасыытап Борокуоппай Бөтүрүөбүс бокуонньук дьиэтэ, — дьиэтэ Түмэппий оҕонньор уонна салгыы кэпсиир. — Борокуоппай Бөтүрүөбүс хаһан эрэ биһиги нэһилиэк сиһэ этэ. Бу дойдуга мааны ыаллар этилэр. Үтүө санаалаах бэрдэ эмээхсиннээх этэ, икки уол оҕолордооҕо, кэтэх сүөһү, ас-танас баар кинитэ этэ. Бэйэтэ буоллаҕына, сүрдээх уус тарбахтааҕа. Көрүң эрэ, ити дьиэтин даҕаны. Кини арыый эдэр-сэнэх эрдэҕинэ нэһилиэккэ кинитэ суох төһөлөөх да уустук боппурус быһаарыллыбат буолара, хайаан да кини кыттыыта, кини тыла-өһө наадалаах курдуга. Нэһилиэк олоҕор, көр, оннук кыһаллара, сэбиэппит буоллаҕына, ааттыын даҕаны, Ээл Дээлэбис. Олох мас көнө, сытар ынаҕы туруорбат сымнаҕас киһи. Үйэтин тухары үлэлээтэ да туһата кыра. Онон барытын Борокуоппай Бөтүрүөбүс көрөр-истэр курдуга. Ол курдук оҕолоро улаатан испиттэрэ. Бэйэтэ улам кырдыан испитэ. Түмүгэр кини туйаҕын хатарыахтаах уолаттара киһи буола үүммэтилэр. Улахан уола оскуоланы бүтэрээт, күлүгээннээн хаайыыга барбыта. Ол саатын-суутун тулуйбакка, сир-буор сирэйдэнэн, эмээхсинэ эрэйдээх сүрээгинэн ыалдьан өлөн хаалбыта. Оҕонньор кыра уолунаан олоро сатаахтаабыта. Онтуката баара, эмиэ арыгыга ылларан, өссө куһаҕан буолбута. Итирэ-итирэ аҕатын дэлби кырбаан, киһи аатыттан аһарбыта.

Борокуоппай Бөтүрүөбүс дьонтон саатан, уолун быһыытын-таһаатын кистиин сатаабыта. Уола буолуохсут көнүөхтээбэр эбии сатайан, дьөксө төннөн испитэ. Ол курдук биридэ өйүттэн тахсыар диэри итирэн баран, аҕатын өлөрөөрү кыыл курдук сырса сылдыбыт. Аҕата оҕонньор ампаарга киирэн иһиттэн катаммытын били уола буолуохсут аанын сүгэнэн кэрдэн киирэн истэҕинэ, тутуу былдьаһа, саанан ытан уолун өлөрөн, бэйэтэ ынырык өлүүттэн быһааммыт. Оҕонньору сууттаабатахтара, суут-сокуон, бука, сөптөөхтүк көрдөҕө, биһиги даҕаны бука бары Борокуоппай Бөтүрүөбүс туһугар туруммуппут. Инньэ гынан оҕонньор эрэйдээҕи хара кырыыстан, өлүүттэн быһаабатахпыт.

Аны туран били хаайыыга олорор уола тахсан кэлбитэ. Ол баҕайы быраатын тыгынын иэстэтэҕэ

буолан, төрөппүт абатын кыыллы өлөрбүтэ. Оо, арыгы! Дьэ ити курдук бүтүн ыал холумтанын уота умуллан турар. Арыгы, арыгы айдаана диэхтиибит да бары куһаҥан барыта ол астан эрэ тутуахтаннаҕай.

Истибиппиттэн-көрбүппүтүттэн уйулҕабыт хамсаан, эппит тымныйа тардан, сүрөхпитигэр сибиньиэс буулдья охсуллан, бөтөн хаалбытыны бүтэйдии ыалдьан, биһиги массыынабытыгар тиэтэйдибит.

Гаражка тийбиппит массыынабыт тахсыахтаах ааныгар бүөлэтэ тракторы туруоран баран, Дьэнкэтэ Миитэ дьэтитигэр дуу, ханна дуу баран хаалбыт. Дьоннортон сураһан билбиппит Дьэнкэтэ Миитэ соруйан, бүгүн биһигини мантан таһаарыа суох буолан саһа барбыт. «Аһыммыт арыгыларын дьэ бэйэлэрэ эмэн хонон көрдүннэр» диэн сааммыт үһү. Онно эбии уолаттар: «Сарсын да тахсаргыт саарбах» диэн улаханлык ыксаттылар. Дьэнкэтэ кырдык кыһырбыт буоллаҕына, кини тылын ким да өһүлбэт дииллэр. Оччоҕо ким дьаһайыан сөптөөҕүй? Гараж дьыалатыгар манна саамай үрдүкү былаастаах отделение управляющайа Саабынтаайап үһү да, кини Дьэнкэтэ чугас доҕоро, улахан атаһа үһү. Хайдаҕый ол, Саабынтаайап салайааччы, оттон Дьэнкэтэ буор иһэччи, ол гынан баран куомуннуулар? Саабынтаайап бэйэтэ эмиэ соторутаангыга диэри «биис» бэрдэ буола сылдыбыт эбит. Арыгыттан бэсиһин төхтүрүйэн эмтэнэн баран, испэтэҕэ икки эрэ сыл буолбут. Кини үрдүк үөрөҕи бүтэрэн баран, бастаан утаа син үүнэн испитэ үһү. Онтон арыгы аһылыктанан барбытыгар, көргөнэ тулуйа сатаан баран, арахсан хаалбыт. Саабынтаайап олоҕо огдолуйбутугар дьахтары буруйдаан, харааччы иирэн хаалбыт. Куоракка киирэн, өр кэмгэ үлэлээбэккэ, таас дьээлэр аныларыгар, хачыгааркаларга хонон, бырадыагалы сылдыбыт. Онтон тутан ыланнар, кинини арыгыттан күһэйэн эмтиир профилакторийга ыппыттар. Дьэ бэринэн дуу, доруобуйата кыайбакка дуу испэт буолбут. Оройуон салалтатыгар эппиэттээх үлэҕэ үлэлиир саһаа туруорсан, Саабынтаайапка отделение управляющайын дуоһунаһын биэрбиттэр. Саабынтаайап Дьэнкэтэ Миитэ курдук «дьоло суохтары» аһаҕастык өйүүр эбит. Ол түмүгэр манна «Алааска» былааһы арыгы букатыннаахтык ылбыт. Онон биһиги Дьэнкэтэ Миитэни булан арыгы иһэрдэн, «алҕаспытын» көннөрдөхпүтүнэ эрэ массыынабытын гаражтан этэнгэ таһааран, салгыы айан-

ныыр кыяхтаммыппыт, оччоҗо эрэ табыллар, Дьэнкэтэ атаҗар дьингнээхтик үнгүөх тустаах эбиппит. Онтон атын суол бүгүн биһиги туспутугар суох, атын хайысха барыта хааччахтаах...

Ыйдаран-ыйдаран, Дьэнкэтэ дьиэтин дэриэбинэ саамай уһугуттан буллубут. Киирбиппит киһибит остуол муннугар сүүһүн өйөннөрөн, утуктуу олорор. Биһигини көрөөт уонча саастаах кыыс оҕо уонна икки алталаах-сэттэлээх уолаттар түгэх хос диэки куоттулар. Хаһаайын буоллаҕына, хараҕын сатамныта суохтук быһа симэн, утуйбута буолан кубулунна. Уһугуннардыбыт.

— Сааттыгыт дуо? Арыгыгытын аһыммыккыт, тахсан бара турун, мэхэйдээмэн, үлэ чаһа бүппүтэ, — киһибит өрө кыбдыгыраан, сутуругун туппутунан ойон турда. Маннык ыгым түгэнгэ Магомед чаччы сатабыллааҕын көрдөрдө: Дьэнкэтэни бэрт сылаастык доҗордуу көрөн, имнэнэ оҕуста да сизэбиттэн сулбу тардан таһааран, бытыылкалаах арыгыны киһитигэр туттаран кэбистэ. Дьэнкэтэ Миитээ биир түгэн уларыһа оҕуста, мүчүйэ үөрдэ:

— Оо, дьэ бу киһи быһыыта! Сиэр-майгы. Суобаны хаһан да умнубат куолу. Маны мааҕын туттарыахтаах этигит. Чэ, бастаан иһиэххэйин. Мууһунан бүрүллүбүт түннүк холуодатыгар хайыр курдук кыстанан турар иһит-хомуос быһынтан кырыылаах ыстакааннары ылаттаата, кирдэрин, быылларын үрүтэлээтэ уонна арыгыны кутталаары гыммытыгар, биһиги үһүөн тэнгэ «кутума» дэһэ түстүбүт. Дьэнкэтэ Миитээ ол тылы улгумнук ылынан, ыстакааннарын хомуйтуу оҕуста: хата элбэх тиксиэ диэн үөрдэ быһыылаах. Бэйэтин ыстакааныгар халлыгыраччы кутунна уонна биир тыгынынан утаппытты хантайан иһэн киллигирэттэ. Икки дьабадьыларынан арыгы халыйан тахсан, түөһүгэр, тобугар таммалаата. Чачайан ылла, илгиһиннэ. Онтон Дьэнкэтэбит дьэ киһигийдэ.

— Уолаттар, эһиги маладьыастаргыт, испэт эбикит, олох иһимэн, өстөөхпөр даҕаны баҗарыам суоҕа, мин курдук ыт олобун олоруоҕун. Уолаттар барахсаттар, сэхэргэһэ түһүөҕүн, гаражка турар массыына туруо, ханна да барыа суоҕа, ким да кинини тытыта суоҕа, киһи кэпсэтэн билсэр, ынах мангыраһан билсэр. — Дьэнкэтэ эһии кутунна уонна саҕарарын быһыгар «кылк» гыннарда. — Дьэ доҗоттоор, бырастыы

гынын. Миигитэн олох куттаныман. Мин талаанньыт да халаанньыт да буолбатахпын, өлөрөөччү-өһөрөөччү да буолбаппын, көннөрү иһээччибин-аһааччыбын эрэ. Испэтэх киһи төһө эрэ үчүгэй буолар этэ... Ээ, билигин испэт киһи суох курдук, оннооһор салайааччылар иһэллэр. Мин диэн... Дьэнкэтэ буоллабым. Дьэ доһоттор, мин алдыаммыт киһибин,— киһибит аны уостара хаанһастан ытаары мэрбэҥнээн барда. Өйдөнө биэрэн эмиэ кутунна.

— Тыыннаах өлүкпүн. Ол гынан баран мин ыраас айылҕа оҕото буолуохтаах этим. Мин баарбын булчут хаана хааннаах киһи. Ол баара булдум — аһы арыгы! Арыгы, акаа-рылар!!! Арыгы!!! Чэ, куорат дьоно, эһиги тускуту... Мууһугурбут аан тэлэллэ биэрдэ, иччитэх биэдэрэлэри ланкыначчы иилиммит, эр киһилии таҕастаах хатынҕар уһун дьахтар киирэн кэллэ, хотон сыта аҕылыс гынна. Хаһаайка быһыылаах. Киһи бастаан биһиги диэки, онтон Дьэнкэтэ диэки хабырдык көрүтэлээтэ уонна сүрдээх хатаннык хаһытаан бытарытта:

— Хара сордоо-ох! Хаһан сиэтэлиирин буоллааа! Абаккыым! Эмиэ арыгыһыттары мунһубут?— Дьахтар Дьэнкэтэ Мийтээ баттабар түстэ уонна харса суох, куйахатын субу хастаан ылыах, төбөтүн быһа тардыах курдук сахыйан барда. Дьэнкэтэ Мийтээ ыксаан өйдөннө быһыылаах, утарыдаста, дьахтары икки илиитинэн хабарҕатыттан ылла, өрө чынарытан таһаарда. Дьахтар хардыгынаабытынан барда. Иннибитигэр турбут Магомед кинилэр икки ардыларыгар буола түстэ, дьахтары ыһыгыннараары эр киһини тарбахтарын тиэрэ тардыталы сатаата. Ол икки ардыгар ытарчалы ылбыт илииттэн төлөрүтүллүбүт дьахтар куймарыс гынаат Магометы муннуга саайда. Эбии оксоору иччитэх бытыылка диэки чарбачыста. Магомед муннун саба туттубутунан биһиги диэки нөрүйэн ээрэ да биһиги үһүөн таһырдыа буола түстүбүт. Магомед муннуттан таммалы сылдыар хааны тохтоотоору Мэхээлэ киһи муннугар хаар тутта сатыыр. Оҕолор сарылаабытынан ойон тахсаннар, тас таһаа суох, тымныыга тыыннара бурҕачыйан, ыалларын диэки тэбэ турдулар. Дьизэҕэ дьахтар иэрийэ-иэрийэ сарылыра, эр киһи орулуура иһиллэр, биликтэһии бөгө.

— Дьахтары быһыахха!— Мэхээлэ айманна. Ойон тийэн ааны тардыалаабыппыт ааны ис өртүт-

тэн хаты охсубуттар: дьахтар хатаабыта дуу, Дьэнкэтэ кэргэнин бүөмнээн дьүүллээри хатаммыта дуу? Өссө ынырыга... Аны?.. Биһиги уолуйан хааламмыт, тугу да гыныахпытын булбакка, дьиэни тула сүүрэлэтибит. Ол икки ардыгар чугастаабы ыалтан эр дьоннор хаһытаһа-хаһытаһа биһиги диэки сүүрэн бэкиһэн иһэллэр. Ыксал буолла. Кинилэр ыраахтан көрдөхтөрүнэ, биһиги дьиэлээхтэри кырбаталы сылдыар курдук буоллахпыт буолуо, ол иһин дьону өрүһүйээри үөгүлэхэллэрэ буолуо. Ол эрээри дьоннор тута биһиги үрдүбүтүгэр түспэтилэр, үлтү сынньаталаан барбатылар, иннэ да гыныахтарын сөптөөх түбэлтэ. Айдаан буолуон иннинэ, Дьэнкэтэ Миитээ дьиэтэн сулбу ойон тағыста. Кини кэнниттэн сирэй-хараға хаан-билик буолбут дьахтар тилэх баттаһа, соһулла сылдыар. Көмөлөөн араартааһын буолла. Хата итиччэ тиниктэһии кэнниттэн улахан эчэйии тахсыбатаға билиннэ. Ким буруйдааһын быһаарсан сүгүлээнэстилэр. Оо?!

— Мин «Алаас» отделениетын управляющайабын, Саабынтаайап диэммин. Эһиги кимнээхтэргитий?— ласпахалдьыйбыт, тустуук көрүнгээх киһи олус хаһыстык көбүөлээтэ. Биһиги саас-сааһынан барытын быһаара сатаатыбыт да ону киһибит истэ, өйдүү да барбата.

— Партия, правительство арыгылааһыны утары сорунуулаах охсуһууну ыта турдағына, бу эһиги арыгылааһыны тэрийэннит охсуһууну таһаарбыккыт, оҕону-дьахтары аймаабыккыт, үлэ дьонун ирдибиккит туһугар холоубунай эппиэккэ тардыллыахтааххыт. Туоһулар, эмсэҕэлээбиттэр да бааллар. Мин сип-сибилигин оройуон кииниттэн милицияны ыңырабын, кэлиэхтэригэр диэри дьыала онгорон бэлэмниэхпит, туоһулар, тарҕаһыман!— диэн буолла. Иккис киһи:

— Мин олохтоох Сэбиэт бэрэссэдээтэлэбин, хонтуораға киирэн быһаарсыаһын!— диэтэ.

Хонтуораға киирсии бөҕө буолла, биһиги буруйа суохпутун дакаастаһа сатаатыбыт. Саабынтаайап буоллағына абаран-сатаран туран, биһигини буруйдаата, дэлби саанна. Кини тылыттан-өһүттэн, тутарыттан-хаптарыттан өтө кестөр: туох айыыны-хараны, кири-хаһы биһиги үрдүбүтүгэр кутаары гынар. Мааһынын гаражка биһигини сэрэтэн тураллар. Саабынтаайап тус бэйэтин олоҕор сатамматаҕар абаран,

арый көнө дьылбалаахтары, үлэлиир арананы сөбүлээбэт, ес-саас туттар диэннэр. Ол гынан баран Ээл Дээлэбис, төһө да дьыалаҕа ээл-дээл буоллар, быһаарыта олохтоох буолла.

— Айан дьоно олох буруйа суохтар эбит. Очуураптар туманнаһыылара бу эрэ буолбатах, урут да итинник «таптаһар» идэлээх дьоннор — бүгүн охсуһаллар, сарсын иллэһэллэр буолбат дуо? Массыналарын гаражтан таһаарыахха, суол дьоно айаннарыгар туруннуннар.

Саабынтаайаппыт дьэ бышпастан турда.

— Милиция кэлиэр диэри күүттүннэр. Көстөн турар буруйдаахтары эппиэккэ тардыбакка ыталыыр бырааппыт суох. Ээл Дээлэбис, бу уларыыы тахса турдагына, бэйэң бэйэҕинэн бөрөкүтэ суох көстүүнү кытта иллэһэрин табыллыбата буолуо ээ, оройуон салалтата даҕаны сөбүлүү суоҕа. Ээл Дээлэбис тугу даҕаны хардарбатаҕын, хоттум дии санаата быһыылаах, икки илиитин даллаччы соҕус туттан тахсан барда.

— Куһаҕан дьыала буолла...

— Бу буолуохтаах түбэлтэ...

— Тоҕо?..

— ...

Ити курдук кэпсэтэ олордохпунуна аны Дьэңкэтэ кыһырыы бөҕөнү кыһыран киирдэ.

— Бара охсун этэнгэ эрдэххитинэ! Массынаҕытын гаражтан таһаара охсун, эһиги гаражкыт буолбатах. Общественнай гараж.

— Саабынтаайап милиция ынҕырбыта, биһиги баран хааларбыт табыллыбат. Күрээбиттэр диэхтэрэ... Уонна дьыала онно эрэ буолбатах*. Милиция кэлэрин биһиги кэтэһэбит.

— Акаарылар! Сип-сибилигин бара тардын диибин буолбат дуо?

Элэс гынан хаалың диибин дии. Саабынтаайап бэйэтэ бирикэстээтэ, үүртэлээ диэн. Аны салалта тылын истимээри гынаҕыт дуо, ээ? Эһиги, ханнык эрэ туора дьоннор тускутугар уолаттар сутулла сылдыахтарың баҕарбаппыт.

— Ханнык уолаттар?

— Билбэт ааттаахтар ээ. Көрбөтөххүт дуо, гаражка? Бүгүн уолаттар биир ыйдаах нуорма арыгыларың ылбыт күннэрэ буолбаат? Өйдүүгүт дуо, биир ыйы быһа көнөтүк сылдьан, сыралаахтык үлэлээн, сынһа-

нар буоллахтара дии. Сүгүн аһатын, дьоннору!

Саабынтаайап биһигини үүртэли охсорго тоҕо маннык түргэнник быһаарыммыта дьэ өйдөннө.

— Биһиги милиция кэлэрин кэтэстэхпитинэ эрэ табыллар.

— Оччоҕо арыый көмөлөһүө этигит, — диэн баран Ээл Дээлэбис туран төттөрү-таары хаамыталаан тахтааннаата. Дьэнкэтэ Миитээ итинник кэпсэтиини тулуйан истибэтэ. Ааны ыараханлык сабан таҕыста, Саабынтаайап дьиэтин диэки тэмтээкэйдии турда.

Сотору буолаат управляющайдаах «завгар» гаражтарын диэки түргэн-түргэнник хаамсан эгдөннэһэн эрэллэрин түннүгүнэн көрдүбүт. Итирик суоппардарын үүртэли, иһиллибит бытыылкаларын кистэтэли, бэрээдэктии сүүрдэхтэрэ. Милиция кэлиитэ биһигини буолбакка, кинилэри бэйэлэрин ордук дьаарханнара биллэр.

Сити курдук милицияны күүтэн олоробут. Төрдүөбүт: Ээл Дээлэбис, Мэхээлэ, Магомед уонна мин — Айаал. Тугу да кэпсэппэппит. Төрдүөммүтүн биир эрэ санаа ытарчалыы ыга ылан, тууйан турар ыар көмнөх буолан баттыыр... Саахалланыы...

Суолга саахалланыыттан быһыһаныхха сөп, үтүө санаалаах хайаан да көстөөччү. Оттон олоххо саахалланыы? Дьэнкэтэ сордоох... Бу эйиигин сэнээһин, сиилээһин, аһыны да тыллара буолбатах. Бу эн тускунан чымаан чахчы ыгытыта! Төрөөбүт эйгэттэн тэйэн, мэнээк ускул-тэскил сылдьангыһын, кутун-сүрүн тохтообот буоллаҕына, ол содула дьэ итинник буоллаҕа! Сырдык ыралыын таҕнастыы, дууһа саахалланыыта итинник дуо?! Бу кырдык, дьулаан кырдык!..

Санаа тургуйбат туох эрэ түгэбэр түспүттүү умса баттатан, өөр да өр олордубут. Милиция кэм да кэлэн быстыбата. Ыксаатыбыт. Арай Ээл Дээлэбис маннык түгэннэри куруук көрөр буолан, онтон олох хал буолан хаалан дуу, холку-уу баҕайытык тизкэллэн олоорохтуур. Олорохтуур! Хайаатар даҕаны милиция манна кэлиэхтээх, кэтэһэбит...

1988 сыл. Якутскай

БУЛЧУТ

Кэпсээн

Хоту дойду дьоно үксэ балыксыт, булчут идэлээх. Ол гынан баран киһи эрэ барыта сэхэнгэ киирэр ааттаах булчут буолбат. Хайаан да ким эмэ кимтэн эрэ ордук сатабыллаах, баһыйар күүстээх, ураты тулуурдаах, булуу-талыы да өртүнөн баһыылаах буолар. Булчуттар тылларынан эттэххэ, ол «байанайдаах» булчут эбэтэр өбүгэлэрдии «синкэннээх» булчут диэн бэрт судургу өйдөбүллээх. Оҕо эрдэхпинэ мин ийэм итинни маннык быһаарара: «Көр, биир илии биэс тарбахтаах, — диирэ уонна тарбахтарын саратан көрдөрө. — Мантан сороҕо уһун, сороҕо суоһ, күүстэрэ эмиз арааһынай — биирэ биириттэн ордук. Булчут эмиз син ол курдук араастаах».

Кырдыга даҕаны, тыа барыбыт туһугар биир дэхси кэлим: сороҕо ордук бултаах, сороҕо син эмиз дьаданы барыбыт атахпыт анныгар сытар, ким баҕарар үчүгэйгэ да, куһаҕанга да түбэһиэн сөптөөх. Ол гынан баран сорохтор тоҕо аңардастыы байымнык бултуйаллар, буолаары буолан мэлдьитин? Өскөтүн биир эрэ түбэлтэҕэ ордук аатыраллара эбитэ буоллар — ол өйдөнүө этэ: бултаах сири таба хаамтахтара, диэн. Оннукка бүгүн — кини, сарсын — мин түбэһиэхпин сөп буолбат дуо? Ону баара кинилэр куруук ой-бото чорбойоллор, эргэнэ хара тыа кыыла кинилэргэ эрэ ананан: «Мэ, миигин ыл», — дииринии.

Ол аатырар булчуту бэйетин өйдөөн-дүүллээн көрдөххө киһиттэн туох да атына суох. Сылдьар сирэ-уота, көлөтө-тэрилэ, саата-саадаҕа барыбытыгар баар уонна ахсаан да өртүнөн элбэҕэ суох. Син биир

булт күндүтэ, кыыл тэһиитэ, көтөр мааныта киниэхэ киирэн биэрэр. Тоҕо оннугуй?

Мин эрэ төбөбүн итинник «сынньар» буолбатах эбиппин. Кырдьаҕас ийэ кэпсээнинэн буоллаҕына, былыр-былыргыттан дьон ити кистэлэнги таайа сатыыр идэлээх эбит. Аптаах булчуттар тустарынан бэрт дыкти да, араас кэпсээннэр нуруокка бука итинник санааҕа сөрөнөн төрөөтөхтөрө буолуо. Биир булчут туһунан күлүктээх кэпсээн мин өйбөр диригник сөҕөн хаалбыт. Ол маннык.

...Былыр Алгама диэн киһи олорбут. Булду кыайбат, быстар дьаданы эбит. Кини биирдэ бэйэтин курдук эрэйдээх, булду кыайбакка, онтон оҕолоро, кэргэнэ хоргуйан өлбүтүрүн, бэйэтэ кутурҕанын уйбакка, өкөр маска ыйанан бэйэтигэр тийиммитин туһунан истибит. Алгама былыргы кэпсээннэртэн билэр эбит: булдугар куруук табыллыбат аналлаах киһи өлүөхсүт ыйаммыт быатын моонньуттан сүөрөн ылан, харахтаах көрбөтүнэн кистээн илдэ сылдьан, кыыл суолун буллаҕына, ол быанан туора-быһа кымныылаатаҕына уонна быатын түмэ баайан кэбистэҕинэ, ол кыыл хайаан да киниэхэ ситтэриэхтээх үһү. Итиннэ ынырыга диэн баар, өскөтө ол быаны туһана сылдьарын ким эрэ биллэҕинэ, булчут били сор суолламмыт киһи курдук дьылҕаланыхтаах эбит. Алгама барытын бэркэ билэр эрэри, ону кэрэйбэккэ ылан бултуу сылдьыта үһү да өр олоороохтооботох.

Бу кэпсээн ойуур дьонугар хаһан айыллан, төһө өртөн уос номоҕо буола сылдьара биллибэт. Маны кэпсээбит киһи хайаан да түмүгэр бири эбии этэр: «Оннук ньыманы туттан булчут төһө да байымнык булгуйдар, киниэхэ ким да ордугургуу санаабат, хата оннук киһиттэн тэйэ туттар. Айылҕаттан синкэннээх булчут оннук аптаах киһилиин куодарыстаҕына, байанайа ханнар, тугу да бултаабат буолар үһү», ол кэриэтэ буһуо-хатыа, аччыктыа, сылайыа, ыраас санаалаах сылдьыа. Оттон булчут аатыгар туох эрэ өйдөмөтөҕүнэ, кини ыллыгар күлүк түстэҕинэ, дьэ кини аптаах диэн дьулааннаах тыынга уорбаланаара былыр итинник силистээх-мутуктаах.

Оннооҕор мин, аныгы олох киһитэ, биир киһи аатыгар итинник баарын истэrim. Хоп-сип диэн саарбаҕалы саныырым. Кинини көннөрү Булчут диэн ааттыллара.

Армияттан эргиллэн кэлэн баран, кэргэннэнэн,

Дьюураа диэн дэриэбинэҕэ үлэлии тахсыбытым. Дэриэбинэ соҕуруу уһугар Булчут эмээхсининин оло-
роро. Билиги биир тулаайах дьахтар дьиэтин куор-
тамнаһан, били Булчукка ыаллы буолбуппут. Оҕон-
ньор 80-ча саастааҕа да онтун кэрэйбэккэ тэтиэнэхтик
сылдьара. Дуогабардаһан күндү түүлээҕи бултуура,
былаанын ордуга-хоһута суох толороро. Дьининэн
быдан ырааҕынан аһарар кыахтааҕа.

Өрөбүл күннэргэ саабын кыбынан мас көтөрдүү,
куобахтыгы диэн ааттаан тыаҕа тахсарым. Эдэр буо-
ламмын бэрт ыраах сиринэн тэлэйиэ кетэ сылды-
рым. Ол да иһин эбитэ дуу, Булчуттуун тыаҕа көр-
сүһөн турардаахпын.

Оҕонньорум олус үөрбүтэ, нууччалыы-сахалыы то-
ҕо-хоро элбэҕи кэпсээбитэ. Ол кэпсээнэ диэн ханнык
эрэ мас көндөйүгэр кырынаас киирэн баран, онон-
манан быгыахтаан ыты хайдах албынҕа киллэрэрин
туһунан буолла. «Дьэ төһө да быыкаа кырынааска
албыннаттар, ымыылаах бэрдэ ыт, — дии-дии ытын
имэрийэрэ. — Көр, бу сайын сылдыбыт суолбун били-
гин хаардаахха олох сүтэрбэккэ ирдиир. Мунна үчү-
гэйн, син биир солондо, кырынаас курдук. Мин:
«Булчут суолун солондо, кырынаас бэйэтэ ирдээн
кэлэн хапкааныгар түбөһөр», — диэбиттэрин саныы
биэрэбин. Сотору оҕонньор сылаас үүтээнигэр тиритэ-
хорута чэйдээбиһит, элбэҕи эргитиспиһит. Ол күнтэн
ыла мин кинилиин доҕордоспутум. Иллэнсийдим
да кини үүтээнигэр тийэrim. Кэһибиһин кэргэним
астаабыт минньигэс бэрэскитин аҕаларым. Кини,
сиэпкэ уктуллар кыра радиоприемнигар батарейканы
эбэтэр дьоҕус фонары аҕаллахпына, оҕолуу үөрэрэ.

Ити дьыл оҕонньор үйэтин тухары бииргэ олорбут,
биир тылынан хабырыйсыбатах эмээксинэ эмискэ
өлөн хаалаахтаабыта. Бииргэ кырдыбыттар өлөллө-
рүгэр эмиэ бэйэлэрин батыһыспыт курдук утуу-субуу
барааччылар дииллэр. Оҕонньор сотору буолан баран
эмиэ ыалдьан хаалбыта.

Мин үлэбиттэн быыс булларбын эрэ көрсө барар
бағалааһым. Ол гынан баран тардыллан испитим.
Ол сырыттаахпына Булчут эйигин ыңгыттарар диэн
илдьит кэлэн миигин наһаа кыбыһыннарбыта. Эбиэт-
тээбэккэ эрэ оҕонньорбор ыстаммытым. Оҕонньор тым-
ныйан эрэр дьыэҕэ нэк эргэ суорҕанынан саптан,
булка кэтэр бэргэһэтинэн сытара. Мин киирбиһэр
үөрбүтэ. Сэниэтэ суоҕа куолаһыттан биллэрэ. Ону-ма-

ны ыйыталаһаат, сизэр быһыытынан: «Тугу аһыах-хын баһараһын?» — диэн ыйыппытым. Онуоха оҕонньорум мух-мах барбыта уонна туох да быһаарылылааһы этэ илигинэ, ыарыылы кэлбит балта — 70-лаах түөһэйэн эрэр эмээхсин: «Бочугурас миинин көрдөспүтүн буһаран биэрбитим да, айаһар тиэрдибэтэ», — диэн үнсэргиирдий эттэ.

— Хата, туохта эрэ кэпсээ, — диир оҕонньор.

Мин нэһилиэккэ кэли-барыы туһунан быһыта-орута кэпсээбитэ буоллум. Балыһаҕа сылдьан врачтан истибиппин эттим. Тумуу элбээбит үһү, ол гынан баран сотору аһымтыа үһү, эн да аһарынар инигин, — диэн санаатын көтөҕөөрү эпиппэр, оҕонньор сонньуйан эрэ кэбистэ.

— Мантан антах бииргэ бултуурбут, кэпсэтэрбит бүттэҕэ, — диэтэ Булчут. Мин уоскута сатыбын да оҕонньор кэриэс тылын этэ сыппыта. Бастаан ханна көмүөхтээхтэрин, сирин эмээхсинин көмөрүгэр бэлиэтээбитин, онтон бултуур сөбө-сэбиргэлэ ханна сытарын, ханнык үүтэнэ ханан тымныйарын энин тустарынан быһаарда.

Мин кинини тоҕо аптаах булчут дииллэрин бэйэтиттэн аргыый чугасаһан, доҕордоһон баран, билэр сыаллааһым. Ол санаам таах хааларыгар тийбититтэн сэрэхэдийдим.

— Миигин аптаах булчут дииллэрин истэрин буолуо, — диэтэ кини. — Итэҕэйбэт буол. Булка ханнык да ап үөдөн суох. Арай булчут ураты киһи буолуохтааҕа кырдык. Уратыта диэн, мин санаабар, маннык: саамай кылаабынайа мындыр, булугас өйдөөх буолуохха наада. Онно киһини кыыл, көтөр бэйэтэ үөрэтэр. Өйдөөн-дьүүллээн кинилэри кэтээн көрүөххэ эрэ наада. Кыыл, көтөр үөскүүр сирдээх, сөбүлүүр миэстэлээх, куттанар-куттаммат тыастаах, атыгыраабат бэлиэ сыттаах буолар. Тыас эрэ диэн үргэн-ыһыллан барбат. Холобурга киргили да ылан көр.

Кини көҥдөй күнү-күннүктээн тонсуйарын кыыллар сөбүлүү истэлэр. Олохтоох киргили өлөрдөххүнэ, чугас эргин баар кыыллар, көтөрдөр кинини тутта суохтууллар. Иһилли сатаан баран, кэнникинэн дыксинэ быһыытыаллар, айманаллар, үрүө-тараа сыр-саллар. Дьэ итинник. Бултуур сиргэ киһи солууга суоха. тугу да тыыппата ордук. Өрүү көрөн харахтара үөрөннин диэн мин баарбын биллэрэ сатааччыбын. Кинилэргэ эн өлөрөөччү курдук көстүмэ, доҕор буол,

кинилэри кытта төрүт тыа олохтообун курдук кестүөхтээххин. Ону сорохтор билбэттэр. Дьонго-сэргэзэ сыһыанын, өйүң-санааң ыраас буолуохтаах.

Офонньор итинник этэ сыттабына, мин аптаах булчут кистэлэнэ барыта итиннэ эбит диэн эчки түмүктүү санаатым. Кырдыаҕас киһи саамай сөпкө этэр. Кылаабынайа киһи өйө-санаата, оттон үлэҕэ, сырыыга хорсуна хайаан да наада. Онто суох тыа кытаанак олоҕор олоруоххун табыллыбат.

— Мин биир кистэлэннээхпин. Ону дьон таайа сатыллар да, мин үйэбэр кыайан таайбатылар. Арай бэйэбин аптаах булчут диэн сүрэхтээбиттэрэ. Эйигин итэҕэйэбин. Айылҕаны дьыннээхтик таптыыргын мин эппинэн-хааммынан биллим, киһи быһыытынан иңсэтэ-обото суох эбиккин. Ити буоллабына, мин өлөр-хаалар күммэр кистэлэн — мин эйиэхэ итэҕэйээри ынгыртардым.

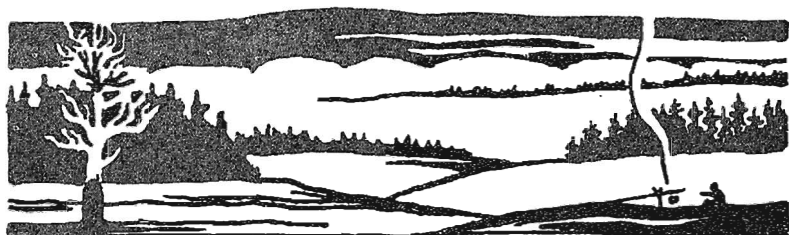
Инньэ диэбитигэр миэхэ: «Бай, аптаах дииллэрэ кырдык буоллаҕа», — диэн санаа кылам гынан ааһар. — Хата илэ дьиктини кытта сирэй көрсөр буоллабым!

— Мин кырынааһы, солондону, киһи бултуурбар, айылҕаттан бэйэгиттэн булбут, биир кистэлэн албастаахпын, — диэн барда офонньор. — Ол албаһым мээңэ киһиэхэ тийдэбинэ, ол содула барыта мин ааппар кырыыс тэнгэ буолуохтаағын бэркэ билэбин. Куттанар куттаныым ол. Бэл эмээхсиммэр биллэрбэтэҕим. Албасын дьон биллэбинэ, хайаан да ол иңсэлээххэ, ымсыга тийиэҕэ. Оччоҕо бу сир үрдүгэр сотору биир да кырынаас, солондо, киис ордуо суоҕа. Күүһүттэн, сатабылыттан тутулуга суох, киһи барыта тайҕаны сирэйдэниэҕэ, кыылы-көтөрү кыдыйаҕа, инньэ гынан алдьархайы тардыаҕа. Эң үөрөхтөөх киһи билиэх тустааххын, мин албасынан бултаан олоххун көннөрүммэккин. Билиэхтээххин ол албаһы кэлэр өртүгэр ким да туттубатын туһугар. Чэ, айыбын этиим. Кырдык албасынан туһанар буоларым. Астаҕас кырымчыга кыһарыйбыта. Кэлин онтубун быраһпытым. Бука диэн мин кистэлэнмин кимиэхэ да арыһаайаҕын. Бу эң биһикки, тыа дьоно, доҕордохуубут мөкүтүгэ, арчыта буолуохтун... Офонньор кэпсэнииттэн мин манныгы өйдөөбүтүм: Булчут атын дьонтон уратыта диэн кини олус мындыр сытыы өйдөөх, хоһуун киһи эбит. Үйэтин тухары «Тоҕо?», «Хайдах?» диэн быһаара, ырытыһа сылдыар идэлэммит. Ол сыл-

дьян кырынаас, солондо, киис биир сыкка олус сүүй-тэрэллэрин билбит. Ону мэңгэтигэр туһаммыт. Кыылар ол сыкка тардыһаллара Булчуту бэйэтин экирэтэ сылдыбалларын курдук туора дьонго кестөр буолбут. Аптаах диэтэхтэрэ ол.

Озонньор тымныйан эрэр илиитин тутан туран мин кини кистэлэнгин кимиэхэ да аһыа суох буолан тылбын биэрбитим. Ол да үрдүнэн киһим алдьархайы оноһуннум дуу диэн, аймаммытты тула өртүн көрүнэ сышпыта.

Мин испэр андаҕайа турбутум: «Бу айылҕа кистэлэнэ аһыллан, ону туһанан инсэ-обот быһыы айылҕа уонна киһи икки ардыларынан ытаһа буолан киирдэбинэ, ол содулугар киһи уонна айылҕа ыпсыта атан, бу бэйэлээх кыылар имири эһиннэхтэринэ, ол сүдү алдьархай туһугар буруйдаах аатыгар сүктэриллэр кырыыс тэнэ ыар баттыктан нүһэр, ама, туох баар буолуой тыа киһитигэр?! Ытык кырдыаҕас, илдэ бар, бэйэн кистэлэнгин бу тиһэх суолгунан!

ОЪУРГИНАТ

Кэпсээн

Кырдыбас түүлэхсит Дьэкиим Хаамыргын сааһа төһө буолбутун туһунан саныан олох баҕарбат. «Оҕонньоор, сааһын төһөлөөтө?» диэн ыйытыыны «дьигис» гына, этэ тарда истээччи. Үйэтин томточчу туолан эрэр киһи сааһын ырытыы биллэринэн соһуйуунан-өмүрүүнэн ардыгар «кырдыахтаабыт» эгин диэн аһыммыта буолуунан, өссө хомолтолооҕо «эрэйдээх, хайыай» диэн сотору өлүөхтээгин сибикилиир курдук кэпсэтиинэн түмүктэнээччи. Хаамыргын оҕонньор, төһө да бытыга кырынаас түүтүнүү кылбаа маҕан буолан көһүннэр, хаһан «саатын мутукка ыйыыра» биллибэт, таптыыр Лүүтэнэ үрэҕин өссө да элбэхтик өрө-таннары, уһаты-туора сыыйара буолуо. Дьэ кэлэн билигин булдуттан akkaастанна дуо, бэйэлээх бэйэтин сиэнэ, соҕотох эрэлэ Гриша уол булка совхоз үрдүнэн хайҕанан, бэйэтэ туһунан суоллаах-истээх киһи буолан эрэрин билэ-көрө сылдьан. Саамай кылаабынайа, бу үйэтин тухары бултаабыт сирин — Лүүтэнэ үрэҕин иччитэх хаалларбата. Гриша кини оннугар хаалан, өбүгэлэрэ таптаабыт сирдэригэр өссө да уһундук бултуоҕа диэн кини астына саныыр, хаарынан тибиллэн эрэр хохто устун буурун миинэн, аа-дьуо хаамтаран налбыннатан иһэн. Сотору Лүүтэнэ үрэх орто сүүрүгэр киирэр аартык хайа кини иннигэр аһылла биэриэҕэ. Үрдүк сиртэн Лүүтэнэҕэ түһэр үрүччэлэр дьирбии мырааннара тунаарыйан кестүөхтэрэ. Олортон саамай үрдүк тумулга аар кырдыбас Оһургинат лөглөйөн кестүөҕэ. Бу улуу Оһургинат-Тиит олоҕун туһунан Гриша эбэнки оҕото буолан, сийилии билэр.

Бука балааккатын, булчут үгәһинән, Охургинаттан тәйиччи туруордаға. Аныгы киһи, билләринән, кырдыҕас тиит иннигәр төбөтүн хонкутан кинилиин кәпсәптәтәҕэ чаччы. Ол былыргылары, биһигини үтүктә сылдыһа дуо? Кылаабынайа, кини биһиги сирбитин уоппутун таптаан, олохтоохтук дойду онгосторо наада. Оттон баай Лүүтәнгә үрэх үрдүгәр үйэләргә үүнән турар биһиги соргулаах Охургинашпыт өссө да чәгиән, өссө да үгүс тиинги бәйәтигәр тарда туруоҕа. Көр, Гриша булчут удьуора буолан син хаан тартарар эбит ээ, маҕнайгы бултааһынын бу Лүүтәнгә Охургинаттан сағалаабыт. Былыр дағаны биһиги иннә ғынарбыт. Аан бастаан Охургинашпыттын чинчийә көрөрбүт, тәйиччи соғус кутаа оттон, уоппутун аһатарбыт, Байанайбыт ымыытын ығырарбыт. Охургинакка быйыл төһө тиин оонньообутунан быйылгы дьылга булпутун билгәлиирбит уонна эрэх-турах буолан, Лүүтәнгә тардыы үрэхтәригәр тарғаһарбыт. Оҕонньор сиэнин Гришаны санаан эмиэ миннәйгәстик мичээр-дәэн ылла.

Былырынынҕа диэри совхоз эдәр булчуттары киһиэхә, Хаамыргын оҕонньорго үөрәттәрә сыһыарара. Оттон быйыл кини сиэнигәр, бәйәтә олох оҕо киһиэхә икки уолу сыһыаран бултата ыппыттар. Гриша киниләри үөрәтиэ үһү, ойуур олоҕор, булт эрииригәр-мускууругар. Табаарыстара, быһыыта, эмиэ үчүгәйкәэн оҕолор... биирдәстәрә маннаағы Чокуурка дьаамын олохтоох нууччатын уола Ваня, иккиһә Амма диэкиттән үләлии кэлбит саха уола, зоотехник Ньургун. Кадровай булчут буолабыт диән үөрүүнән тәринә сылдыбаллара көрүөххә үчүгәйә сүрдәэх этә. Булчут булчуту оннук ылынар. Гриша, кини Гришата биригәдьиридәрә үһү. Кырдыга, кини булка улахан сыһыаннаах, ол барытыттан кестөр: сытыы-хотуу, куттағаһа суох, хапсаҕай, тулуурдаах, ханнык бағарар түгәнгә кутаа отто охсору сатыыр, балаакканы олус түргәнник туруорар, саанан-сүгәнән са-таан туттар. Киһиргәбәтин эрә... Хаамыргын оҕонньор ити курдук барыны-бары аттара саныы-саныы сиэнин көрө, уолаттар хайдах-туох бултуу сылдыбалларын билә, бу сәттә кестөөх сири сылайбакка айаннаан кәллә. Үнүрүүн эмиэ билсә сылдыбыта. Гриша эһәтин олус үөрүүнән көрсүбүтә. Сиэниңнәх оҕонньорго ол туох-ха да тәнгә суох дьол буоллаға. Кини дьонугар чуга-һаата. Сибилигин кини соғотох сиэңә, туйағын ха-

тарааччыта утары сүүрэн кэлиэгэ, кууһан ылыага! Гриша, баай Лүүтэнгэ үрэх сана, эдэр-сэнэх хаһаанына!

Офонньор уолаттар таабырдарыгар чугаһаан кэллэ. Охургинат-Тиит ыкса чугаһынан буруо унаарыйар. Хайдах хайдаҕый? Гриша туох буолла, Охургинат чугаһыгар тоҕо балааккатын туруорда? Офонньор сүрэгэ тоҕо эрэ атыннык нүөлүйтөлөөн ылла. Табатын ыксатан биэрдэ. Чугаһаан кэлбитэ Охургинат диэки «Дружба» эрбии бабыгырыы-бабыгырыы бөтөр. Ол быһыһыгар иһиттэххэ балаакка иһигэр омук музыката араастаан мэнэрийэр. Офонньор сүрэгэ мээнэгэ маннык мөхсүбэтэх эбит: уолаттар «Дружба» эрбиинэн Охургинаты эрбии сатаан ахчарыһаллар! Тиритии-хорутуу үгэнэ буола турар. Гриша эһэтин көрөөт, балаакка иһиттэн ойон тахсан, утары ыстанна. Эһэтин туох да харса суох кум-хам тутан, үөрүүтүгэр эргичитэн ылла.

— Оо, эһэм барахсан, эмиз кэллинг дуу?— Офонньор киниэхэ хардара барбата, киэр садьыйда.

— Тугу дьаабылана тураҕыный?!— хаһан да күөмэйин соноппот бэйэтэ уордаахтык бардыгыһаата. Ону истээт, Гриша кулгаахха охсуллубут киһи курдук төбөтүн харбанна. Офонньор миинньэрин сиэппитинэн, түргэн үлүгэрдик Охургинаты эргийэ хаамта, ол быһаһын тухары тиит төбөтүтэн хараһын араарбата. Гриша табаарыстара Ванялаах Ньургун тугу да өйдөөбөккөлөр эрэ тиит мутугун быһыһыгар туох саһан олорорун офонньор бачча сорунан одуулуурун көрө сатаатылар. Оттон офонньор, табатын сиэппитинэн, куотан эрэр киһи курдук, кэлбит суолунан төттөрү хааман бакыһыа турда.

Туох эрэ кыайан өйдөнүллүбэт санаа үүйэ тутан уолаттар саната суох балааккаларыгар сукуннастылар. Тимир оһох харса суох умайан сирилэтэрин иһиллээн күнү быһа олорон таҕыстылар. Ыкса киэһэ Гриша дьэ уоскуйан, табаарыстарыгар маннык кэпсээннээх буолла:

— Ити кэрдэ сатыыр тииппит бу Лүүтэнгэ үрөҕүн саамай көстүүлээх, саамай үрдүк тумулулар турар, көрөргүт курдук. Кини саамай уһун уонна модун, чугаһынан тэгнээгэ суох, дьикти бэйэлээх мас. Лүүтэнгэбэ түһэр бары үрүйэлэр мырааннарыттан кини тупсан, киэркэйэн көстөр. Ол иһин саас киниэхэ тиинг мустан ооньбуур. Тиинг бу эрэ тииккэ

көччүйэр, атынга муньустубат. Тулата даҕаны, өйдөөн көрүң эрэ, айылга анаан онорбутун курдук, кэрэ уонна салгы сир. Маннык тиити мин өбүгэлэрим эбэнкилэр Оһургинат диэн ааттыыллар. Ол аата дьол-кэскил, илгэ тиитэ диэн өйдөнөр. Манна теһе элбэх тиинг көрүлээбититтэн көрөн, кинилэр эһиилги дьылга тиинг үөскээһинин билгэлииллэр. Оһургинакка саас чугаһыа суохтааххын — муньустубут тиинги үргүтүөххүн сөп. Бу тииккэ олорор тиинги дьыл ханык да кэмигэр өлөрүө суохтааххын. Кини чугаһыгар кутаа оттуллубат. Оһургинат — ытык мас. Эбэнки кинитэ санаата сарбыллар түгэнигэр Оһургинакка кэлэн тиинг оонньуурун көрөн эбэтэр ону санаан, санаатын аралдьытар, манньыйар, кутурҕан кууспун да буоллаҕына, манна кэлэн аһарынар. Эбэнки кинитэ Оһургинакка сүгүрүйэр, кинилиин дьолун-соругун, өйүн-санаатын ситимниир. Былыр-былыргыттан биһиги өбүгэлэрбит, Хаамыргын аҕа уһун хас да көлүөнэ дьонноро, субу биһиги охторон эрэр тиипитигэр мустан уһуур уонна чугастаагы үрэхтэргэ тарҕаһар тиингнэри билингэ диэри бултаан кэллэхтэрэ. Ол иһин эһэм ити миигиттэн хоргутан-хомойон барда. Өйүм бааллан тоҕо кэрдэргэ себүлэспитим буолла.

Итини истэн баран уолаттар иһиирсэн эрэ кэбиһэллэр...

...Гриша балааккатын соруйан Оһургинат таһыгар туруорбута. Кини бу дыкти бэйэлээх тиит күн араас кэмигэр хайдах бэйэтин көстүүтүн уларыта оонньуурун табаарыстарыгар үчүгэйдик көрдөрөн сөхтөрүөн баҕарбыта. Бу эмиэ да халлаанга харбаспыт, эмиэ да улуутуйа лаглайбыт дыктилэрдээх мас. Сарсыарда халлаан өссө ситэ сырдыы илик буолар, оттон Оһургинат төбөтө күүдэпчилэнэ оонньуур — тахсан эрэр күн сардангата аан бастаан кини чыпчаалыгар сабыллар. Киһэтин эмиэ туспа. Тулан күлүгүрө лүнкүрэр, оттон Оһургинат төбөтө кытара кыһар — кириэн эрэр күн тинэх кыыма онно тохтуур. Арыт түүн киһи соһуйуон курдук буолар. Тулан барыта хараҕаҕа силбэһэ суураллар. Оттон Оһургинат төбөтө кыһыл көмүс курдук күлүмүрдүү күүдэпчилэнэр — хойутаан тахсар ый көмүс дуйун кини чыпчаалыгар сыбыыр. Итини барытын киэн тутта көрдөрөн, Гриша табаарыстарын дьоллуон баҕарбыта. Онтон тымныы түспүтэ. Хаар халынаабыта. Кураанах маһы чугаһынан

булбатахтара. Уолаттар көрдөхтөрүнө бу сүүнө тиит хатан ээрэ. Аңардас лабаалара сүүрбө да хонукка тиййэр мааны оттук буолуохтарын сөптөөбө. Ким эрэ тыл көтөхпүтө. Ким эрэ «Дружба» эрбиитин үрдүгөр түспүтө. Оттон Гриша Охургинатын туһунан таһыччы умнан, уһуну-киэни толкуйдаабакка улахан тиити кэрдэргэ саңата суох сөбүлөстөбө. Тутах санаа баһыйдаба!

Билигин хайдах да көннөрүллүбөт албас тахсыбытын Гриша үчүгөйдик өйдүүр. Тыал күүһүрдө да Охургинат күрүлүү сууллуохтаах, оччоҕо баай Лүүтэнэ тыатыгар тиин аны тохтообот. Хаамыргыннар бултуур сирдэрэ улам дьадайдан барыаба. Ол барыта саамай эдэр Хаамыргын оттомо суофуттан. Гриша билэр — олус кырдыан нэһииччэ сылдыар эһэтэ кинини бырастыы гыммакка өлүөхтээбин. Гриша онгорбут буруйун — ити Охургинат тиити кытта бултуур кэскилин кэрдиммитин, ол туһугар өбүгэлэрин иннилэригэр икки илиитин өрө уунан улуу Охургинат тииккэ сыста туран биэрэргэ бөлөм да кинини хаҕыс дьүүллэ туруорааччы суох буоллаба. Эһэтэ аны манна төннүбөт! Оттон Охургинат — кэрэ кэскил, илгэ тирэх тиитэ охтоору эйэнни, ынчыктыы тураахтыыр.